

ИГРАЯ ВЫБЕРИ ИГРУ

скифия

Джерри (Александра Власюк)
 Андрей Какитсубата
 Елена Карелина
 Маргарита Озерова
 Уши Хаммес
 Елизавета Калугина
 Татьяна Мухаметшина
 Анна Кшишевска Иванова
 Александра Лебедева

Максим Хомути
 Федя Денисов
 Александр Шишкин
 Алёна Туманова
 Николай Пятков
 Элизабет Райдлин
 Юлия Веденеева
 Константин Лукановский
 Маргарита Зеленская
 Наталья Славина
 Дмитрий Вальдаус

**Антология
Нари Ади-Карана
Играя выбери игру
Серия «Антология Живой
Литературы (АЖЛ)», книга 15**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63938362

*Играя выбери игру:
ISBN 978-5-00025-220-8*

Аннотация

«Антология Живой Литературы» (АЖЛ) – книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира. Публикация происходит на конкурсной основе.

Издательство приглашает авторов к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки на конкурс принимаются по адресу электронной почты: skiëabook@mail.ru.

Подробности условий конкурса можно прочитать на сайте издательства: www.skiëabook.ru.

Содержание

Предисловие	8
I	9
Максим Хомути́н	10
Человеки́нг	12
Часть первая	12
Часть вторая	27
Федя Денисов	47
Из цикла «Недетские стишки»	48
Про маму	48
Иван	50
Облако	52
Из цикла «Город»	53
«Стеною дождь стегал...»	53
«Может быть, это слон...»	54
«В этом городе надо летать...»	55
Шарик	57
Из цикла Просто.....ь	58
«Просто любовь...»	58
«До нашей встречи...»	60
«Луна росла. И вот ее овал...»	62
«Любовь нашу —...»	62
Из цикла «Синяя тетрадь»	66
«Я люблю...»	66

«Аккорд...»	67
«Я привыкаю к немоте...»	68
Праздник	69
Зверушка	70
Омут	75
«Испуг сменив на ужас, рушась с ног...»	75
Мне страшно здесь	76
Как...	77
Александр Шишкин	85
Муравейник	87
Доставка еды – никакой ерунды	91
Самые длинные выходные	95
Солнечные муравьи	98
На День флота я ходил	104
Гарибальди	108
Кулинария	112
Подарите себе мандалу, или Баба Нина вам злое напророчит	117
Алёна Туманова г. Долгопрудный, Московская обл	121
На санях	123
Русалка	124
Ноябрь	126
Пурга	127
Семьянин	128
В поиске	130

Встреча	131
Музыка	132
Зов	133
Материнская душа	134
Улыбнись	135
Возраст	137
На воздушях	138
Как-то раз Анята...	140
Николай Пятков	156
Июньский снег	158
Варнак	167
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Играя выбери игру

© Составление. ООО «ИТД “Скифия”», 2020

© Оформление. ООО «ИТД “Скифия”», 2020

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не мо-

жет быть воспроизведена без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Мы играем всегда, всю жизнь, непрерывно, переходя от одной игры к другой, даже во сне, даже когда не хотим... иногда мы выбираем игру, но чаще она выбирает нас сама.

I

Прятки и салочки каждого дня

Максим Хомутип

Украина, г. Киев

Окончил Киевский политехнический институт и Киевский международный институт менеджмента. Занимается IT-предпринимательством, руководит проектом Onlineradiobox.com

Из интервью с автором:

Каждый мой рассказ – это дверь в особую Вселенную, где современное общество находится на хирургическом столе, а читатель участвует в смелом эксперименте.

© Хомутин М., 2020

Человекинг

Часть первая Малые Казаны

– Экологически чистый продукт! Косметический лопух! Убирает морщины и питает кожу! – молодой парень лет двадцати пяти в панаме с надписью Sex Instructor активно махал пучком листьев, стоя у сельмага. Стебли лопухов были заботливо окрашены в ярко-розовый цвет и перехвачены шелковой лентой.

Жители Малых Казанов шли по своим делам, которые в

данное время суток заключались в вечерней встрече коров с пастбища. Несколько старушек у колодца чуть вдалеке наблюдали за перфомансом, посмеиваясь. Продавец перешел в наступление, включив повышенный тембр голоса:

– Рекомендовано ассоциацией косметологов Украины. Только сегодня акция – каждый третий лопух в подарок! – срывающимся голосом орал он.

– Дядь Саша, а что у тебя на шапке написано? – семилетний Мишка, ковырял в носу и заинтересованно смотрел на панаму представителя лопуховой компании.

– Пароль к пещере Бэтмена! Мишка, топай отсюда, не отпугивай клиентов! – он махнул пучком лопухов, отгоняя мальчишку.

Этот жест не остался незамеченным среди крупного рогатого скота, который уже двигался по главной улице села. Белая в коричневых пятнах буренка по кличке Заноза потянулась к пучку, с очевидным желанием его сожрать.

– Пш-шла вон, куда лезешь, скотина! – косметические лопухи звучно шлепнулись на макушку коровы, и та отскочила в сторону, сбрасывая лепешки по дороге.

– Сашко, может, лучше картошки мне накопаешь, я тебе бутылку поставлю? – ласково улыбнулась старушка в синем платке с подсолнухами.

– Нет, баба Галя, картошку вам любой алкаш накопает, а я бизнесом занимаюсь. Берите косметический лопух, не пожалеете! С эффектом антистарения!

– Да твоим лопухом разве что жопу подтирать, бизнесмен хренов, – баба Галя сплюнула на землю и поковыляла к своей хате.

Стемнело. В хатах начали зажигаться первые огоньки. Сашка посмотрел на удаляющихся коров и односельчан, вздохнул и, подняв ведро с лопухами, направился к дому. Малые Казаны медленно погружались в сон...

В селе Сашку-Бизнесмена знали абсолютно все. Уже со школьной скамьи в нем активно росла и колосилась предпринимательская жилка. В младших классах он продавал школьникам карты пиратских сокровищ, которые находил по «счастливой случайности». Находил в неограниченном количестве, в старом пиратском сундуке. В сарае у деда Архипа – сторожа школы. Одноклассникам Сашка объяснял, что дед Архип был в молодости пиратским капитаном, и сокровища найти вполне реально, достаточно добраться до Карибского моря. На корявость почерка и редкие грамматические ошибки на картах клиенты внимания не обращали.

Самую красивую карту сокровищ Сашка нарисовал для Верки Лобановой, которая сидела за соседней партой. Нарисовал и подарил на 8 марта. Бесплатно. К сожалению, подарок остался непонятым и Верка выкинула карту в мусорную корзину. Дура.

В старшей школе Сашка гадал по рукам – предсказывал вопросы на контрольных и продавал гороскопы поведения училок, демонстрируя всем распечатанный на стареньком

принтере диплом Мага Первой Категории. Магическая практика закончилась трагической ошибкой в предсказании, после которой здоровенный Серёга Чупрына получил двойку. В качестве моральной компенсации Чупрына связал и поколотил Мага Первой Категории, а затем надел мусорную корзину ему на голову. Спасибо Верке, освободила. Эх, Лобанова...

После школы будущий гений бизнеса продолжал искать себя. Было все – и самодельные лимонады из порошков, и партии турецких джинсов из Броваров, и экологический навоз австралийских кенгуру из какашек местных пони. Но Сашка чувствовал, что главный его успех – впереди.

Так и случилось. Был вторник. Жаркий июль близился к неумолимому концу. В поиске свежих бизнес идей Сашка наткнулся на видео некого Бориса Гейтса с оптимистичным заголовком «Как я заработал первый миллион на вендинге». Слово «вендинг» Сашку немного пугало, но первый миллион был важнее.

К счастью, оказалось, что «вендинг» это не торговля наркотиками и не подпольные казино. Вендингом оказался бизнес по продаже кофе из автоматов.

Борис Гейтс был точной копией буржуев с советских агитационных плакатов. Он был упитан, брезглив, курил сигару и говорил по-русски с американским акцентом. На видео он красочно описывал преимущества своего бизнеса: низкую стоимость ингредиентов, простоту обслуживания автоматов,

инновационность и востребованность. Удручала только стоимость чудо-машины по продаже кофе – сто тысяч Сашке было не собрать никак. Но первый миллион уже поселился в его голове и выходить оттуда не собирался.

Первым делом Сашка написал электронное письмо Борису Гейтсу. Лаконичное, без долгих реверансов и расшаркиваний, максимально по делу:

Уважаемый Борис!

Меня зовут Саша. Я из села Малые Казаны.

Хочу заработать первый миллион, как и вы. Но у меня нет ста тысяч. Можно купить ваш автомат за две тысячи? Или за пять тысяч в рассрочку на три месяца?

Спасибо!

Саша

Ответ господина Гейтса пришел всего через полчаса. Он был еще более лаконичным:

Паси коров.

Б.

Сашку это не остановило. Целую неделю он не выходил из сарая, где, несмотря на ворчание матери, оборудовал свой «офис». Целую неделю он писал бизнес-план, чертил схемы и считал бюджеты. Наконец, на восьмой день Сашка закрыл картонную папку «Дело №», перевязал веревочку и написал сверху маркером: «Человендинг». Путь к первому миллиону начался.

Для успешного старта проекта Сашке был необходим партнер. Следующим утром он постучал в двери Серёги Чупрыны. После школьного эпизода с неудачным прогнозом от Сашки-Мага они сдружились и к выпускному классу стали лучшими друзьями. Месяц назад Серега был уволен с должности водителя молоковоза за прогулы и находился в творческом поиске. Идеальная кандидатура.

– Так, Биз, давай еще раз для нормальных людей. Что за «человекинг» такой? – Серега сидел на табурете в спортивных штанах с лампасами и пытал сигаретой. Он звал Сашку Бизом еще со школы, ленясь выговаривать полную форму клички Бизнесмен.

– Че-ло-вен-динг. Это как вендинг, но с человеческим лицом! – Сашка открыл папку и разложил исчерченные листки на полу перед Серегой.

План Сашки был гениально прост. Если нет денег на покупку автомата по продаже кофе – сделай автомат по продаже кофе своими руками! Поскольку с радиоэлектроникой Сашка был на очень уважительное «вы», проблему электронных внутренностей автомата он решил заменой бездушных микросхем на... Серегу.

– То есть, ты хочешь, чтобы я роботом стал?

– Почему роботом? Ты будешь сидеть внутри корпуса, собирать деньги и наливать кофе. А клиенты будут думать, что это автомат! Поэтому «ЧЕЛОвендинг», понял?

– Пока не особо. Мне, конечно, деньги нужны, но в же-

лезный гроб лезть как-то неохота.

– Серега, во-первых, ты становишься моим полноценным партнером. Во-вторых, ты получаешь стабильную и престижную работу в кофейном бизнесе! В-третьих, половина выручки – твоя.

– А, ну это другой разговор, – оживился Чупрына, и партнеры пожали руки.

Корпусом будущей чудо-машины служил поломанный советский автомат с газировкой, который Серега притащил из здания клуба. Предприимчивый Сашка даже ухитрился получить от директора бутылку за утилизацию хлама. Бизнес-партнеры вырезали все внутренности и покрасили коробку в ярко-оранжевый цвет. По центру Сашка нарисовал немного неровный, но вполне американский флаг. Он планировал позиционировать новинку как заокеанское изобретение.

Кнопки выбора типа газировки пришлось как нельзя кстати. Партнеры подписали их «Экспрессо – 2 грн», «Двойной Экспрессо – 4 грн» и «Американа – 10 грн». Сашка считал, что «Экспрессо» – это «на бегу» и мало, а «Американа» – это солидно и дорого. Желательно с сигарой, как у Бориса Гейтса. Ниже Серега вырезал дырку и приладил импровизированный приемник купюр из фанеры, закрасив его в благородный черный цвет. Сверху автомата Сашка водрузил трехлитровую банку, полную самых дешевых кофейных зерен, который он смог найти в супермаркете ближайшего райцен-

тра. Банка была перевернута крышкой вниз, в крышку продета специальная кочерга с ручкой. Вращая ручку получившейся конструкции, оператор Человендинга создавал иллюзию перемещения зерен в кофемолку.

Внутри коробки была установлена электроплитка «Экран», на которой должна была подогреваться кастрюля с «Экспрессами» и «Американами», стопки стаканчиков, половник, полотенце и магнитофон «Скиф», издающий звук измельчающихся зерен. Мойку стаканов вырезали и прикрутили туда черный ящик с шторкой для подачи готовых порций кофе.

Наступил волнующий момент тестового запуска на заднем дворе Чупрынского дома. Серега еще раз повторил Сашке заученную схему действий:

1. Ожидание появления купюры из щели и помешивание кофейной смеси в кастрюле.
 2. Как только купюра появляется, затянуть ее внутрь.
 3. Контроль нажатия кнопки выбора напитка клиентом.
 4. Включение магнитофона для создания магии свежемолотого кофе.
 5. Отгрузка выбранного напитка клиенту: – Экспрессо – половина половника – Двойной Экспрессо – целый половник – Американа – полный стакан
 6. Установить наполненный стакан в коробку выдачи.
 7. Поднять шторку для доступа клиента к напитку.
- Сашка одобряюще кивнул, и Серега торжественно подо-

шел к задней двери автомата. Он согнулся, чтобы подлезть к табурету, затем повернулся левым боком, потом правым и, наконец, кое-как уселся на табуретке. Сашка обошел автомат сзади. Примерно треть Сереги сидела на улице. Он не помещался. Так Сашка-Бизнесмен понял, что оператором Человендинга придется стать самому отцу-основателю.

Кофейная культура в Малых Казанах находилась на уровне позднего неолита. То есть жители уже понимали, что растворимый Nescafe лучше, чем кофейный напиток «Галка» из ячменя. Но в таинство приготовления мудреных напитков из свежемолотых зерен малоказановцы посвящены не были. Великая Кофейная Революция подступала к Малым Казанам, и Сашка должен был стать ее главным вдохновителем и вождем.

Наступил сентябрь. Вся картошка была выкопана, дети отправлены в школу, и жители Малых Казанов начинали понемногу прокрастинировать на завалинках у заборов своих имений.

Утром шестого сентября Галина Степановна Гуцуляк, в народе «баба Галя», встала с первыми петухами, чтобы выдоить свою корову Занозу. На двери сарая висел исписанный маркером листок. «Неужто собрание какое?» – Галина Степановна ускорила и почти вприпрыжку добежала к записке.

*Эксклюзивно в Малых Казанах! НОВИНКА!
Начни день со стакана бодрящего ЭКСПРЕССО!*

Американский Кофейный АВТОМАТ!

Ждем вас у входа в сельмаг!

Она перечитала текст еще раз, беззвучно шевеля губами. Из сарая послышался обиженный вой Занозы, и баба Галя вернулась в реальность.

– Не иначе как Сашка-Бизнесмен опять что-то удумал! – она привычно сплюнула, сорвала объявление и шагнула в сарай.

Спустя час возле оранжевого ящика, стоящего у входа в сельмаг, столпилась добрая половина Малых Казанов. Односельчане перешептывались и разглядывали диковинную новинку.

– А у нас кетчуп завезли, болгарский, – как бы между прочим отметила продавщица сельмага Оля, прислонившаяся к дверям.

– Да погоди ты, Олька, с кетчупом своим. Ты смотри, что Сашка учудил, – глава сельсовета Орест Петрович Жмых снял кепку, пригладил остатки волос на лысине и двинулся к автомату. Толпа затихла и внимательно следила за отважным первопроходцем.

Орест Петрович достал смятую десятку из кармана, осторожно засунул ее до половины в щель, облизнув пересохшие губы.

– 3-3-3-3-3, – сказал автомат голосом Сашки, и купюра исчезла в коробке.

Сашка поднес купюру к тусклой лампочке, улыбнулся,

щелкнул тумблером и кнопки выбора напитка замерцали желтым светом.

Орест Петрович снова надел кепку и обернулся, кинув победный взгляд на односельчан. Затем уверенно нажал кнопку с самым дорогим напитком – Американу за 10 гривен. Послышался звук перематываемой кассеты. Внутри автомата Сашка шепотом ругал себя за забывчивость.

Наконец, он включил в магнитофоне звук кофемолки, параллельно ворочая кочергой в банке с кофе. Поставив кассету на паузу, тренированным движением налил полтора половника в стакан и выставил его в коробку выдачи. Шторка поднялась и толпа ахнула. Внутри стоял дымящийся стакан кофе. Орест Петрович еще раз снял кепку, и осторожно взял стакан в руки. Недоверчиво понюхав напиток, он сделал несмелый глоток и улыбнулся.

– Добротный кофий! Американский, сразу видать!

Малоказановцы рванули к автомату и выстроились в очередь. «Экспрессы» и «Американы» полились рекой. Первая кастрюля разошлась за сорок минут, а очередь не пыталась уменьшаться. Сашка отправил Сереге уже три СМС, а новой порции кофе все не было.

«Поломалась машина», «Тут тебе не Америка!», «Я ж говорил, она и дня не проработает», – перешептывались в толпе.

– Всем тихо! Сервисное обслуживание, – гаркнул подоспевший Серега с тачкой, накрытой брезентом, – расходим-

ся, автомат заработает через 20 минут.

Недовольно бурча, односельчане начали расходиться. На пригорке остался один дед Артем.

– А ты чего сидишь? Сказано ж, через 20 минут – возмущенно поинтересовался Чупрына.

– А я тут пошижу, первым буду в ошереди, – хитро прищурившись прошепелявил дед Артем, доставая из кармана пачку «Примы».

– Дед, сказано же – обслуживание автомата. Это коммерческая тайна, сидеть тут нельзя. Держи нормальную сигарету и приходи через 15 минут, я тебя первого пропущу, – Серега протянул деду открытую пачку Marlboro, из который ушлый старик вытащил три сигареты и на удивление бодро убежал за угол.

Серега открыл заднюю дверь автомата и выпустил Сашку, который, не говоря ни слова, рванул в ближайшие кусты и зажурчал, издав стон облегчения. Спустя минуту друзья курили, сидя на корточках за автоматом.

– Здорово им человекинг зашел, скажи?

– Серега, не человекинг, а... ладно, забей. Ты лучше смотри сюда, – Сашка достал из кармана пачку мелких купюр, – 800 гривен за 40 минут, прикинь? Надо цены повышать! – Сашка мечтательно посмотрел в небо, – а там и до миллиона недалеко.

– Ну тебе, конечно, видней, я в бизнесах не особо, но чего-то мне кажется, что такой праздник будет не всегда, –

скептически возразил Серега, затыгиваясь.

И он был прав. Уже через неделю очередь у автомата исчезла, и иногда не удавалось распродать даже одну кастрюлю кофе за день. Сашка не унывал и генерировал планы по спасению бизнеса со скоростью пулемета.

В Малых Казанах с переменным успехом прошли: индийская неделя кофе (Сашка добавлял в кастрюлю специи), фестиваль разноцветных стаканчиков, утренняя акция «Лейся песня» (вместо звуков кофемолки играла кассета с дискотечной девяностых) и даже аттракцион невиданной щедрости – каждый второй кофе в подарок. Продажи неумолимо падали. Малоказановцы насытились кофейным чудом, и Сашка задумался о новых рынках сбыта.

Прохладным октябрьским утром Сашка проснулся от звука приближающихся к автомату шагов. Хотя кто-то за целое утро!

– Вот, вот, смотри, это Сашка-Бизнесмен придумал, – слышался голос Наташки Синицы, бывшей одноклассницы Сашки, – Вот тут вставляешь деньги, тут выбираешь тип, и он сам делает кофе, представляешь!

– Ох Сашка, фантазер. Я в городе видела кофе-автоматы, но они другие совсем, – слышался голос Верки Лобановой! Приехала из города, значит!

Сашка прислонился ухом к лотку выдачи и замер.

– А этот милый такой, почти домашний, – в автомат пролезла купюра. Сашка осторожно вытащил ее, забыв про звук

«3-3-3-3».

– Вер, а почему у вас с Сашкой ничего не вышло? Он же тебе нравился, да? – оператор человендинга судорожно сглотнул.

– Нравился. Я все ждала, что он шаг сделает, а он все со своими бизнесами носился. Так ничего и не вышло.

– Ну может, еще все получится! Он же тут живет все еще.

– Не думаю. Наверняка он только про свой автомат и думает, а про меня забыл.

– Ничего я не забыл, – буркнул кофейный автомат голо-сом Сашки.

Наташа завизжала и на всякий случай отбежала к дороге. Вер-ка обошла коробку и постучала в дверь.

– Сашка, ты там что ли?

– Там, – снова пробурчал автомат.

– Вылезай, Терминатор, – засмеялась Верка.

– Не могу, ключ у Сереги Чупрыны, дверь только снаружи открывается.

– Ты и Чупрыну сюда втянул?

– Мы партнеры вообще-то, – почти обиженно сказал автомат.

– Ну тогда я спокойна. Я до завтра еще тут, хочешь сегодня вечером встретимся? – автомат молчал. – Например, в семь. Придешь?

Из автомата раздался звук кофемолки и в окне выдачи появился дымящийся стакан кофе. Верка осторожно взяла его

в руки, грустно улыбнулась и развернувшись медленно пошла к машущей руками Наташке.

– Приду, – буркнул на прощание автомат. Теперь она улыбнулась по-настоящему, отхлебнув кофе из стаканчика.

Солнце зацепилось за кромку леса и окрасило поле в оранжевый. Сашка и Верка сидели на бревне под раскидистой грушей, кутаясь в бабушкино одеяло.

– А ты чем в городе занимаешься? Небось замуж вышла уже?

– Замуж не вышла. Закончила медучилище, записалась волонтером в Красный Крест и Полумесяц.

– Ничего себе! А сколько платят?

– Нисколько.

– Как нисколько? А зачем тебе это?

– Саш, помогать людям – это ценнее, чем деньги.

– Ага, ну да, – «Совсем там свихнулась, в городе».

Сашка закурил. Верка закуталась в одеяло еще сильнее и мечтательно смотрела на звездное небо. Десятое октября медленно перешло в одиннадцатое.

– Я уезжаю в Бангладеш через месяц.

– Бангладеш... это в Ираке? Там где Саддам был?

– Нет, Саш, это страна такая в Азии. Смотрю, географию ты так и не выучил, – Верка улыбнулась.

– А что там делать будешь?

– Буду работать в лагере беженцев. Сашка оживился и затянулся сигаретой.

– А много их там беженцев этих?

– Да, Саш, больше 100 тысяч.

– А ты не знаешь, они кофе пить любят? – озабоченно поинтересовался Сашка.

Верка рассмеялась:

– Саш, они любят пить и есть что угодно, к сожалению, им не всегда хватает даже воды.

Вот и рынок сбыта!! Плюс легко найду добровольцев для работы в автоматах!

– Вер, а можно с тобой?

– Со мной? Ты серьезно? А тебе это зачем?

– Ну как, помогать беженцам! Волонтеров же кормят?

– Да, кормят и жилье дают. Если правда хочешь помочь, я узнаю, можно ли тебя записать.

– Пожалуйста, – Сашка сложил руки домиком, – очень хочу!

Верка чмокнула Сашку в щеку и положила голову ему на плечо.

Часть вторая

Бангладеш

– Ви из Украинска группа? – промокший парень в запотевших очках, помахал Верке и Сашке картонкой с нарисованным на ней красным полумесяцем. Он был одет в песочные рубашку и шорты, на ногах были огромные ботинки, из

которых до самых колен поднимались серые гольфы. Для довершения образа инструктора бойскаутов не хватало круглой шапки и шейного платка.

– Да. А вы Стивен? – Верка протянула руку пионервожатому.

– Степка! – улыбнувшись во все 32 зуба ответил он, – это Стивен по-вашему.

Сашка пожал худую руку Стивена-Степки и принялся вертеть головой по сторонам. Зона прилета международного аэропорта Шах Аманат, что неподалеку от Читтатонга, напоминала зал ожидания автостанции украинского райцентра в пятницу вечером, разве что вместо бабкок с тележками и студентов зал наполняли бангладешцы всех мастей. В глазах рябило от ярких пятен – женщины разных возрастов в цветастых сари, мужчины в длинных рубашках и шароварах, а иногда тоже в юбках. Между ними ползали, бегали, сидели, лежали или бились в истерике сотни детей. Красное, желтое, зеленое, белое – все контрастировало с темнокожими местными жителями и, в сочетании с наполненным пряными запахами влажным воздухом, взрывало привычные шаблоны восприятия. Сашка ухмыльнулся – недостатка в клиентах человендингового автомата тут точно не будет.

Спустя полчаса они ехали по узкой трассе, периодически съезжая на обочину. Пропускали несущиеся по встречной полосе автобусы и грузовики, громкие и разноцветные, как жители Бангладеша. Стивен-Степка вел старенький джип

«Тойота» сквозь бесконечный ливень, то и дело протирая запотевшее стекло тряпкой.

– Сезон дождей, – почти извиняясь, пояснил он, – Уже почти заканчивается, через пару недель будет полегче.

В машине было ужасно душно, Сашка каждые тридцать-сорок секунд открывал окно, впуская глоток свежего воздуха вместе с литрами дождя и закрывал его снова. До лагеря беженцев Кутупалонг было пять часов пути и, устав от скачков адреналина перед несущимися прямо на них встречаемыми лихачами, друзья заснули на заднем сиденье.

Сашка очнулся от того, что кто-то тыкал в него палкой. Перед ним стояла чумазая девочка лет шести. Ливень стих и он зажмурился от яркого солнца. Машина была пуста.

– Привет, – Сашка помахал девочке и улыбнулся.

– Туми ки санта? – серьезно спросила девочка.

– Ага, Саша я, – радостно закивал он.

Девочка мгновенно развернулась и побежала к разноцветным баракам, похожим на металлические гаражи, выкрикивая: «Санта эше геце!». Сашка вылез из машины. Встречавший его запах специй сменился резким запахом помойки и, развернувшись, он понял, почему. За импровизированной парковкой в природном каньоне из коричневой глины чернела огромная свалка. Очевидно сюда сбрасывал мусор весь стотысячный лагерь.

Из гаражей начали появляться местные жители. В основном это были старики, женщины и дети. Девочка, оживленно

жестикулируя и показывая на Сашку, что-то объясняла им. Спустя пару минут вокруг машины собралась толпа, которая изрядно шумела. Каждый считал своим долгом дотронуться до Сашки, и тот уже начал понемногу опасаться столь повышенного внимания. Наконец, продираясь сквозь глазающих на Сашку бенгальцев, в толпе показался Стивен.

Американец внимательно выслушал взволнованную речь девочки, посмотрел на Сашку и рассмеялся. Затем, объяснив что-то собравшимся на бенгальском, он подошел к нему. Толпа, недовольно ворча, стала расходиться.

– Наврин думает, что ты Санта Клаус! Я много ей рассказывал о нем, – продолжая смеяться, объяснил он Сашке. Тот провел рукой по заросшей физиономии и решил сегодня обязательно побриться.

– Наврин?

– Да, это маленькая ходячая неприятность, – Стивен обернулся и прокричал, – Наврин, эхане эсо!

Девочка прибежала почти мгновенно, обняв Степку за ногу. Она скорчила Сашке гримасу и показала кулак.

– А почему в лагере только старики, женщины и дети? Где мужчины?

– Работают в Читтатонге, – Стивен-Степка указал куда-то за коричневые холмы, – в доках на разборке кораблей.

Сашка пытался разглядеть там остатки кораблей, но кроме холмов и бесконечных бараков под ними не увидел ничего. Хотя стоп, еще он увидел Верку!

– Ах вот вы где! – она подошла и погладила Наврин по волосам, – Сашка, пойдем, покажу, где нас поселили. Верка успела переодеться в комбинезон с нашивками Красного Полумесяца, перетянутый широким ремнем. Ремень коварно подчеркивал ее фигуру, и Сашка ненадолго завис, бесцеремонно разглядывая повзрослевшую одноклассницу.

– Я тебе не мешаю? – рассмеялась Верка, – Пойдем уже! Увидимся за ужином! – махнула она Стивену, увлекая за собой Сашку. Американец помахал им в ответ и, посадив Наврин на плечи, пошагал к баракам.

Они завернули за угол проржавевшего барака, шагая по узкой протоптанной тропе. В низине показался палаточный городок волонтеров. Откуда-то из глубины бараков послышался голос муэдзина, и Сашка удивленно посмотрел на Верку.

– Большинство беженцев из Мьянмы – представители народа рохинджа, они исповедуют ислам, – пояснила она.

Из бараков начали появляться их обитатели, расстилая циновки прямо на мокрой глине. Верка и Сашка подошли к лестнице на краю оврага, и под хоровое «Аллаху акбар» стали спускаться к своим палаткам.

– Вер, а ты не знаешь, где тут можно железные боксы достать? Вот такие примерно, – Сашка показал габариты руками.

Улыбка сошла с лица Верки, и она наклонилась, чтобы поймать его взгляд.

– Ты что? Ты серьезно сюда приехал делать свой человекинг? – она посмотрела на него с удивлением, словно не могла поверить в услышанное.

– Человендинг, – Сашка опустил глаза в землю и стал рассматривать гусеницу.

– Да какая разница! Да ты бы хоть... Хотя знаешь что? – Верка отошла на шаг назад, – Делай! Ты прав, народу тут много, да и не видели они никогда такого. Уверена, у тебя все получится! – она развернулась и побежала к лагерю.

Огромная капля приземлилась на Сашкин нос и через несколько секунд начался очередной ливень.

«Ну и чего она взъелась на меня? Я же кофейную культуру в массы принесу, не буду цены задирать. Я ж и себе и людям чтоб. Странная», – Сашка брел к палаточному лагерю, шлепая мокрыми ботинками по грязным лужам.

Приходилось ли вам бывать в палатке с кондиционером? Вот Сашке, к примеру, так и вовсе удалось там поселиться! Огромные армейские палатки внутри были оборудованы всем необходимым. В отделенной тонкими перегородками комнате стояла вполне удобная кровать, шкаф, тумбочка, телевизор и стол с ноутбуком. Конечно, душ и туалеты находились в отдельном помещении, да и кондиционер был один на всю палатку. Но это на голову превосходило то, что в понимании Сашки могло называться «палаточный городок».

Вечером Сашка-Бизнесмен с группой волонтеров пришли на площадь у парковки, где должен был состояться празд-

ничный ужин-знакомство по случаю новой смены в лагере Красного Полумесяца. Над бараками был натянут импровизированный шатер из сшитых тряпок, на земле расстелены разноцветные циновки, по которым ползали дети. В центре в огромном котле варилось что-то, похожее на плов, рядом пара пожилых женщин жарили необычные лепешки, которые надувались как шарики. Сашка разглядел в толпе детей Верку и помахал ей, но та, едва заметив его – отвернулась. Еще обижается.

Послышался шум двигателей, и пять старых автобусов, облепленных мужчинами, с лязгом остановились на парковке. Дети и старики высыпали на дорогу, встречая своих родных. Стивен-Степка подошел к Сашке с чумазым худым бенгальцем, которого за руку держала Наврин.

Степка подошел к Сашке с чумазым худым бенгальцем, которого за руку держала Наврин.

– Саша, это Саад, отец Наврин. Он хотел с тобой познакомиться.

Сашка протянул руку мужчине. Тот какое-то время смотрел на нее, словно раздумывая, затем осторожно пожал.

– Моя приятен очень, – старательно выговорил он, широко улыбнувшись остатками зубов.

– Вы говорите по-нашему? – глаза у Сашки округлились.

– Моя учиться, хотеть работа туристы. Саша говорить с меня, моя учить, хорошо?

– Конечно, хорошо! – обрадовался Сашка. Вот и партнер

из «местных» для запуска проекта!

– Но сейчас – еда! Пошли! – Саад поманил Сашку за собой и они подошли к циновке, на которой уже сидели две женщины.

– Это Баруни, мой жена, – Саад указал на женщину в ярко-зеленом сари, она поклонилась Сашке, приложив руку к сердцу, – а это Чайтали, мама, часто ворчать, – пожилая женщина бросила на Саада суровый взгляд и тоже поклонилась Сашке.

Тот тоже приложил руку к груди и церемонно поклонился в ответ, отчего Баруни рассмеялась, пряча лицо за накидкой.

– Саша садиться, еда, хорошо, – Саад пригласил его на свою циновку.

На огромном банановом листе принесли приготовленный плов и положили на расстеленную на земле клеенку, рядом поставили несколько щербатых мисок с соусами. Наконец Баруни принесла второй банановый лист с надутыми лепешками. Сашка искал глазами вилку и вопросительно посмотрел на Саада.

– Вот так – он вытер правую руку о штаны и зачерпнул ей пригоршню плова, левой схватил лепешку, макнул в соус и отправил вслед за рисом в рот, громко чавкая.

Сашка вздохнул, понимая, что забыл бутылочку с дезинфектором в палатке, вытер правую руку о штанину и взял надутую лепешку.

– Лучи, – прокомментировал Саад, показывая на лепеш-

ку, – Кхичди, – добавил он, показав на плов.

Сашка макнул лепешку в первый попавшийся соус и отправил в рот. Соус был слегка сладковатым и приятным на вкус. Саад улыбаясь смотрел, как Сашка сосредоточенно жует и приглашающе показал на рис. Гость с благодарностью наполнил рот кхичди, рассыпая рис по дороге.

Чуть левее котла мужчина поставил на колени бочонок с двумя палками, и стал извлекать из него звуки. Музыка переливалась, словно мелодия вначале взбиралась на горку, а затем спускалась с нее. Иногда она напоминала звук, который издает гнущийся лист стали, иногда это было похоже на звуки цимбал.

– Наш Пранджал играть на эктара, – гордо сказал Саад. Молодая девушка рядом достала барабан, и к переливам эктара добавился медитативный ритм таблы.

– Саад, я хочу с тобой обсудить бизнес-проект. Можем поговорить? – Сашка заговорщицки придвинулся поближе к собеседнику.

– Солнце заходит, Саад намаз делать, потом говорить, хорошо?

– Хорошо, – улыбнулся Сашка и взял еще одну лепешку. Уже стемнело, когда Сашка и Саад сидели на крыше барака и смотрели на звезды. Саад раскурил трубку и протянул Сашке. Тот кивнул и с благодарностью принял ее. Сигареты закончились еще вчера. От души затянувшись, Сашка закашлялся с непривычки, чем вызвал бурю восторга у Саада.

– Бенгали гашиш, харашо. Саша хотеть говорить про бизнес? – он вопросительно смотрел на него, улыбаясь.

– Да, Саад, я хочу открыть сеть кофейных автоматов. Человендинг называется.

– Не понимать, что такой автомат, что такой чело... Как твоя говорить?

– Неважно. Ты знаешь, что такое кофе? – Сашка улыбнулся.

– Кофе пить один раз. Пакетик есть. Принесу, – Саад прыгнул вниз прежде, чем Сашка успел что-то сказать и скрылся в бараке. Через минуту он вернулся с небольшим блокнотом. Бережно раскрыв его, он перебирал страницы, между которыми лежали его «сокровища». Обертка от Snickers, десять польских злотых и пустой пакетик от растворимого Nescafe.

– Вот, моя пить кофе, – он торжественно продемонстрировал пакетик Сашке.

– Ну нет, мы будем продавать хороший кофе, из зерен. Не такой, как этот.

– Совсем хороший? – Сашка кивнул.

Саад вздохнул и опустил голову.

– Жаль, совсем хороший дорого стоит. Никто не покупать. Денег нет.

– А мы будем его дешево продавать, – Сашка улыбнулся и подмигнул Сааду.

– Ты продавать очень дорогой кофе дешево?

– Не совсем, – Сашке стало неловко, – мы будем делать вид, что кофе дорогой, а продавать будем дешевый.

– Мы будем говорить неправда?

– Совсем чуть-чуть. Никто не узнает.

– Саша, зачем говорить неправда?

– Ну, чтобы заработать деньги.

– Если я обманывать мой жена Баруни, обманывать дядю Пранджала, даже старую Чайтали – им будет плохо. Разве деньги это стоить?

Сашка ковырял палкой глину на крыше и не отвечал. Снова начался дождь, и потенциальные партнеры спустились с крыши.

– Саша, если ты хочешь, моя помогать тебе сделать автомат. Но обманывать – давай сам, – Саад похлопал Сашку по плечу и улыбнулся, – Пойдем пить чай, хорошо?

Сашка-Бизнесмен какое-то время постоял под дождем, размышляя о чем-то, затем поплелся вслед за хозяином в открытую дверь барака.

Ночью Сашке снились кошмары. Он сидел верхом на человендинговом автомате из чистого золота, в одеждах древних жрецов, как в фильме про мумию. Рядом стояла продавщица сельмага Оля и бутылку за бутылкой выливала болгарский кетчуп в желоб. Кетчуп стекал по нему, огибая золотой автомат, создавая впечатление кровавого жертвоприношения. К автомату и Сашке тянулась длинная очередь из жителей лагеря, которые поклонялись ему, как божеству. Голо-

ву Сашки-Божества венчала кепка Sex Instructor. Среди паломников были все – и взрослые, и старики, и дети. Каждый, подходя к алтарю, бросал золотые монеты в монетоприемник автомата и, опускаясь на колени, целовал пальцы Сашкиных ног в золотых сандалиях. Это было ужасно щекотно, но Сашка старался сохранять невозмутимый вид, как и положено божеству.

Паломников становилось все больше, и терпеть щекотку уже не оставалось никаких сил. Наконец-то Сашка проснулся. Он разглядел в сумраке дежурного освещения длинный прут, который щекотал его пятку через щель в приоткрытом окне палатки. На улице было темно, но показавшийся в окне нос и беззубую улыбку Сашка узнал сразу.

– Саша хотеть делать автомат. Ехать вместе Саад в Читатонг к старый корабли.

– Саад, так ведь темно же, – Сашка посмотрел на часы, – Три часа ночи!

– Ехать долго, успеть делать намаз и работа в 8 начинать.

Сашка натянул штаны и выполз на улицу. Он успел поспать пару часов. На площади у парковки уже стояли заведенные автобусы, полные мужчин из лагеря.

– Все ехать работа, хорошо, – Саад улыбнулся и, пропустив Сашку вперед, энергично начал запихивать его в автобус.

Внутри была жуткая духота и, кажется, Сашка наступил на чьи-то ноги. В ухо сопел тощий бенгалец с огромным шра-

мом на месте правого глаза, с другой стороны над ним нависал необъятный громила, и, судя по его налитому кровью взгляду, Сашка стоял на его ногах. Стало неуютно и он попытался было вырваться назад, но в автобус втиснулся Саад и бодро поприветствовал обоих соседей, кивнув в сторону Сашки.

– Этот большой звать Дарук. Ты не бояться, он добрый. А без глаза – Вахин, работать уже четыре года на разборка корабли. Много знать.

Сашка кивнул новым знакомым и попытался поймать ноздрями немного воздуха. Наконец, автобус двинулся и дышать стало легче.

Спустя почти четыре часа тряски с обязательной остановкой для утреннего намаза, автобус со скрежетом остановился. Солнце встало достаточно высоко, и снова начался дождь.

– Как подойдет толстый Параг, скажи, что ты из Красный Полумесяц делать инспекция, иначе денег платить, – прошептал Саад, подходя к контейнеру с желтыми касками. Он протянул одну Сашке, а вторую надел на голову.

– Если удача – сможем быстро забрать детали для автомат, – прошептал Саад, но его речь прервал оглушительный крик, местами срывающийся на визг.

Источником шума был толстый мужчина в красном комбинезоне, который на удивление быстро для своей комплекции подбежал к Сааду. Он вжал голову в плечи и молча слушал обрушивающиеся на него проклятия. Наконец, Параг

(Сашка догадался, кто был этот толстяк) повернулся к нему и на ломаном английском спросил:

– Турист? Вонна пикчерз? Экскёршен? – его маленькие порсячьи глазки суетливо обшарили Сашкины карманы в поисках кошелька.

– Ноу турист, – Сашка гордо показал на повязку волонтера, – Рэд Крэсент Инспектор!

Параг подозрительно прищурился, но одобрительно кивнул и поковылял к автобусу, выкрикивая ругательства в адрес очередного работяги.

– А за что он на тебя кричал?

– Моя не привести новый рабочий вместо Калим, – Саад махнул рукой.

– А что случилось с Калимом?

– Калим три дня назад умирать. Отрезать кусок корабль, упасть, умирать. Обычный дело, – Саад пожал плечами.

– Обычное дело? А почему не закрыли завод? Где техника безопасности?

– Саша, тут любой месяц умирать десять-двенадцать человека. Какой безопасность? – Саад рассмеялся, и Сашке стало жутко.

Саад подозвал Дарука и Вахина, и, убедившись, что Параг поглощен извержением порции ругательств на очередного бедолагу, все четверо завернули за огромный кусок корпуса корабля. Сашка увидел, что такое крупнейшая верфь по разборке кораблей в мире. Начиная от берега и далеко в мо-

ре стояли пришвартованными пара десятков огромных танкеров. У некоторых уже были демонтированы части корпуса, какие-то стояли целыми, словно отдыхали перед новым рейсом. Обнаженный отливом берег из серой глины ужасно вонял серой.

Чуть левее Сашка увидел современных «бурлаков». Но если бурлакам на Волге в школе он пририсовывал рога и усы, то бурлаков Бангладеша Сашке было определенно жаль. Около тридцати человек тянули по серой жиже огромный кусок танкера на металлическом тросе.

– Отрезать кусок, когда отлив – тянуть кусок, потом на берег резать, – пояснил Саад, – Саша, идти, времени мало, надо забрать части.

Пройдя чуть дальше, мимо пилящих ручной пилой, стучащих молотками и зубилами рабочих, они подошли к огромному остову очередного нефтяного танкера, напоминавшему скелет динозавра. Саад показал на свалку дверей от кают и остатков переборок с иллюминаторами. Все они были ржавые и облезлые.

– Это плохие части, на переплавка. Мало забрать, мало денег платить.

– Платить? Это же хлам! – Возмутился Сашка, – Я думал мы тихо заберем и все.

– Украдем? – встревоженно спросил Саад.

– Нуу, – Сашка замялся, – Нет, не украдем. Это же никому не нужно. Давай я поговорю с толстяком?

Саад подошел вплотную к Сашке и заглянул в его глаза. Тот поежился.

– Саша, обманывать и брать чужое – грех. Параг говори, но платить все равно, харашо?

Сашка кивнул, и Саад сказал что-то друзьям. Дарук и Вахид обвязали несколько кусков переборок и пару дверей тро-сами и потянули к автобусам. Саад и Сашка толкали хлам сзади. Не прошло и десяти минут, как послышался знакомый крик Парага. Сашка сделал знак товарищам и вышел вперед.

– Хеллоу, май френд! Ай нид зис ту мэйк инспекшн, – уверенно начал Сашка.

Параг рассмеялся и поставил ногу на хлам, который тянули Дарук и Вахид.

– Ю нид ту пэй, ор ай колл полис, – в его глазах сверкнул алчный огонек.

– Окей, хау мач? – Сашка пытался сделать безразличное лицо, но получилось плохо.

– Ван хандред саузанд така, – Параг расплылся в улыбке.

У Сашки округлились глаза и он беспомощно посмотрел на Саада. Тот понимающе кивнул и заговорил с толстяком на бенгальском. Спустя пять минут эмоциональных торгов Саад подошел к Сашке.

– Согласен за тридцать тысяч така. Меньше нет.

Сашка удрученно посмотрел на металлолом и выгреб все из карманов.

– У меня есть только десять, я не думал, что будет так

дорого.

Саад кивнул и перекинулся парой фраз с Даруком и Вахидом. Они оставили хлам и побежали к рабочим неподалеку. Саад достал трубку и предложил ее Парагу. Тот брезгливо поморщился и замотал головой, не снимая ноги с металлолома, показывая, что сделка не закрыта. Через полчаса Дарук и Вахид вернулись, неся завернутые в тряпку деньги. Саад пересчитал их, достал из кармана несколько смятых бумажек и протянул всю кучу Сашке.

– Вот, тут еще двадцать тысяч. Теперь заплати. Вечером делать твой автомат.

– Саад, спасибо большое! Но зачем вы даете мне деньги?

– Красный Полумесяц помогать нам, Стивен помогать, мы помогать тебе. Ты помогать нам, – Саад похлопал его по плечу.

Сашка ошарашенно протянул деньги Парагу, и тот хищно бросился пересчитывать пачки. Наконец, он кивнул и снял ногу с деталей. Сделка состоялась.

Вечером, когда автобусы вернулись в лагерь, а Дарук снял купленные детали с крыши автобуса, началась сборка человендингового автомата. Сашка и Саад держали части, пока Вахид со сварочным аппаратом собирал все воедино. Вокруг собралась толпа советчиков и зевак, а между ними крутился добрый десяток детей и их приходилось постоянно отгонять. Сашка заметил, как в толпе показалась Верка, но, увидев происходящее, резко развернулась и скрылась в толпе.

Он вздохнул и вернулся к работе. Ничего, он ей все объяснит и она поймет.

Утром следующего дня слегка корявый и облезлый, но вполне реальный автомат стоял на площади лагеря. Он больше напоминал бронированный ларек с корабельными иллюминаторами вместо окон. Внутри было пусто, лишь на главном окне висела записка, написанная корявой бенгальской вязью. Сашка старательно переписал слово «сондхай» (что означало «вечером») с написанного Саадом на земле примера.

Сам Сашка этим утром был в другом месте. Еще вчера вечером он упросил Стивена-Степку съездить с ним в Читатонг, чтобы закупить самый лучший кофе (из того, что он мог себе позволить, конечно). Денег у него осталось немного, после вчерашних работ руки были в пузырях от мозолей, но зато впервые в жизни он абсолютно точно знал, что делать.

Наступил вечер четверга, последнего рабочего дня, когда весь лагерь собрался на площади, чтобы обсудить прошедшую неделю, поест кхичди и послушать, как Пранджал играет на эктаре. Сегодня главным объектом обсуждения безусловно был автомат Сашки. Он был увешан разноцветными лампочками, а некогда облезлые стенки украшали мандалы, нарисованные заботливыми руками Баруни. Внутри автомата, в открытом окне, ритмично раскачиваясь под звуки эктара, стоял Сашка и наливал кофе жителям лагеря. Очередь к

автомату собралась под сотню человек, но Верки среди них не было. Заметив, как Сашка обеспокоенно вглядывается в толпу, Баруни шепнула что-то на ухо своей дочке, и Наврин умчалась в ночь. Наконец из-за пригорка появилась Вера в расшитом голубом сари, которую буквально тащила за руку Наврин. Саад рассмеялся и подошел к ним.

– Вера не хочет кофе? Вкусный, харашо! – Саад приглашающе отошел в сторону и поклонился.

– Пусть сам свой кофе пьет! Он вас уже обобрал до нитки или еще нет? – Верка тяжело дышала и то и дело сдувала челку, которая падала на глаза.

– Саша давать бесплатно кофе, – удивленно возразил Саад.

– Как бесплатно?

– Бесплатно! Че-ло-ве-кинг называться. Без денег!

Верка растеряннo огляделась и направилась к человекинговому автомату. Наврин бежала рядом, держась за подол ее сари. Подойдя к будке, Вера встала в конец очереди, а Наврин подбежала к окну и, протянув руки, попросилась внутрь. Сашка поднял ее и усадил рядом с прилавком. Через несколько минут у окна оказалась и Верка.

– Значит все-таки человекинг? – спросила она с напускной строгостью, облокотившись на стойку.

– Ага, я подумал, что это название больше подходит. Желаете кофе? – Сашка улыбнулся и протянул стакан Верке.

– Саша, а как же деньги?

– Деньги не самое главное в этом мире.

– Рада это слышать от тебя, – Верка улыбнулась, отхлебнув из стакана, – Но где ты будешь брать кофе для всего лагеря?

– Стивен пообещал включить кофе в программу помощи. Красный Полумесяц будет моим поставщиком, – Наврин передала Сашке очередной стакан и тот потрепал ее по волосам.

– Еще помощников принимаешь? – Верка кивнула в сторону Наврин, – Или все вакансии закрыты?

– С удовольствием, – Сашка протянул ей половник. Наврин слегка подтолкнула его, и Сашка, приобняв Верку, нежно поцеловал ее.

Под звуки эктара и табы лагерь медленно погружался в ночь, укутываясь в безоблачное звездное небо и вдыхая аромат стопроцентной арабики.

Федя Денисов

г. Санкт-Петербург

Учился в Ленинградском санитарно-гигиеническом медицинском институте им. Мечникова. Работает плотником. Стихи пишет всегда. Иногда читает на людях.

Из интервью с автором:

Друзья в основном музыканты и раздолбаи. Детей четверо, жены тоже были. Люблю... – ну, это длинный список. Не люблю... – здесь короче, значительно.

© Денисов Ф., 2020

Из цикла «Недетские стишки»

Про маму

Почемучка-мальчик маленький,

Пучеглазый и с соплей.

Тыкал ручкой, топал валенкой,

И все спрашивал ее.

...Маму. Ну конечно, маму.

Каждый знает с малых лет

Маму.

Спрашивал у папы:

– Почему же мамы нет?

– Мама есть. Она, конечно,

Будет.

У нее дела.

Мама нас не позабудет.

Нету? Значит, не смогла
Быть сейчас,
Но будет после.
Мы дождемся, мать твою,
В полночь или где-то возле.
Вытри сопли,
Я спою
Песенку «про серый волк»,
Как он кусит маму в бок,
Если ты не будешь спать
И не сходишь на горшок.

Скажет кроха простодушно:
«Ну, какие там дела?
Мама стала непослушной
Или вовсе умерла!»

– Лучше б ты молчал, засранец,
На язык тебе типун!
Вынь из носа грязный палец,
Чистый палец в нос засунь.

Знай, она дойдет до ручки
Нашей двери.
И откроет!
Мамам, детка, лучше
Верить.
Это, брат, залог здоровья!

Если ты не веришь маме,
Нервно куришь и не спишь,
Думаешь: «Она обманет»,
Значит ты плохой малыш.

Ну а если ты встречаешь
Маму радостно и так,
Что совсем не замечаешь,
Что она пила коньяк,

Обнимаешь маму крепко,
И ложишься спать в кровать,
Мама
Даст тебе
Конфетку,
Что бы жизнь казалась сладкой.

Иван

На дорогу вышел из лесу Ванюша.
Мокро. Лужи. С веток елей льется струями вода.
Может быть, сидел бы дома лучше?
Не ходил бы лучше никуда.

Лес дождем пронизанный, промытый
Набухает, и слегка парит.
...Эх, Иван-Дурак, зачем, куда ты,

Прешься пьяный, Богом позабыт?!

Взять хотя бы зайку – он боится.

Волк – понятно, голоден и зол.

А Ивану – дома не сидится.

Ходит, расширяет кругозор.

Дома печь да скатерть-самобранка

Побранится, но потом дает пожрать:

Суп с котом, закусочка, сметанка...

...Но Иван решил не есть – не спать.

Вышел в лес, поллитру кинул в торбу,

Перекинул торбу за плечо,

И ушел, обруган и оборван,

Лесом, полем и куда-нибудь еще.

У Ванюты на сердце тревога:

Дальний путь, казенный дом, тоска.

– Погоди, дружок, постой немного,

Обернись, послушай мой рассказ.

Много было, знаешь ли, Иванов,

Уходивших на ночь глядя в лес:

Психов, дураков, бомжей, болванов

И царевичей, что в поисках невест

Бродят по холмам, лягушек мучат,

Думают: «Которая она?»»

Может быть, сидел бы дома лучше.
Все равно ведь не выходит ни хрена.

Ну, допустим, как в былые годы,
Встретишь указатель: три пути.
Что терять? Коня? Жену? Свободу?
– Все потеряно! Зачем туда идти?

Или вдруг Амур возьмет на мушку,
И в упор засадит свой снаряд?
И опять ты влюбишься в лягушку.
(Я не в курсе, но в народе говорят).

И пойдет по новой: сёстры, шкурка,
Коробчонка, чтоб кататься по делам.
...И опять в ярмо, как Сивка-Бурка.
– Ну зачем оно тебе, Иван!?

Облако

Кучерявое плыло облако,
Плыло облако в небе синеньком.
Муравей тащил травку волоком,
Бармалей точил зубы напильником.

И дырявые рты на бабушках,
И корявые пальцы на дедушках

Улыбались, сидя на камушках.
Грели ножки в валенках
На поленушках.

Плыло облачко в небе без краюшка,
Было тенью под стогом у колышка.
То ли – зайка зимой,
То ли – варежка,
То ли клякса на травке от солнышка.

Повстречалось с птичками стайкою,
Повенчалось с серою тучкою,
И расплакалось над лужайкой,
Умываясь слезами колючими.

Утром с новым туманом поднимется
И как детский кораблик бумажный
Будет двигаться, двигаться, двигаться,
В синеве потерявшись однажды.

Из цикла «Город»

«Стеною дождь стегал...»

Стеною дождь стегал
Пустырь,

Стекал
С деревьев на кусты.
И перебрасывал
Мосты
По вертикали.

На пустых
Ладонях набережных, вскользь,
Линую город вкривь
И вкось
И струнами его насквозь
Перерезая.

«Может быть, это слон...»

Может быть, это слон,
По крыше моего дома шляется,
Пока я сплю?
Все шатается.
Очертанья предметов знакомых
Пугают.
Мучаюсь.
Но терплю.
Знаю,
Что все когда-нибудь кончится.
Только не знаю, когда.
Может быть, этого мне и хочется?

Может быть, это провода
Звонят от ветра,
От электричества
Или от чего-то еще?
Изгибаются,
Дышат,
И увеличиваются
Ходы городских трущоб.
...Сквозь сон узнаю место знакомое.
Сквозь ужас двигаюсь,
Вижу сквозь тьму,
Проникаю сквозь стены,
Мыслю сквозь слово
И сквозь сновидение сплю...
...Сплю...
Потому, что боюсь проснуться.
Как боится найти прошлогоднюю шкуру свою змея,
Боюсь
Вернуться,
В бесконечное повторение
Вчерашнего дня.

«В этом городе надо летать...»

В этом городе надо летать.
Невозможно ходить ногами здесь.
Лишь крылами махать и орать

Заунывную волчью лунную песнь,
Над кварталами спальными проносясь,
Вспоминая, что прожито здесь, за мгновенья...
...В этом городе – жить нельзя
Из-за силы его притяженья.
Из-за сил растяженья пространства,
Когда
Каждый третий шаг
Приближает старость.
...Этот город... в его убранстве...
Лишь то, что осталось
От бетонных блоков,
Гранитных камней
И плит,
Нелепо выдуманных
И вкопанных здесь однажды.
В этом городе
Каждый Богом забыт,
Так же, впрочем,
Как Бог забыт в этом городе каждым.
Здесь сны страшнее, чем явь.
А явь напоминает вчерашний сон,
Но все же...
В этом городе Я
Встречаю ТЕБЯ,
И кажется, мы похожи.

Шарик

Обычный шар,
Надутый воздухом,
В пространстве медленно качается.
То невесомо вверх поднимется,
То вниз легонько опускается.
Он движется как будто облако,
Что ветром по небу ведомо.
И нет покоя, сна и отдыха,
Досуга, очага и дома...
Воздушный шар
В пространстве дремлющем,
В прострации себя не помнящий,
В волшебный ветер свято верующий,
Уже не явь, но и не сон еще...
Воздушный шар несется в вечности,
И след его нелепо тянется
Меридианом в звездной млечности,
Что ясной ночью нам является.

Из цикла Просто.....ь

«Просто любовь...»

Просто любовь,
Что еще скажешь.
Опять лицо тяжелеет слезами,
Которые по нему размажешь.
Сплошная любовь,
Без конца и края.

Слезаю утром с кровати на пол,
В общественный транспорт сажаю тело,
Теперь не вспомню, когда вскрылся клапан,
И что-то внутри заскребло и запело.

Терпеть, как будто, приятно даже:
Фонтаном чувства, и нету кожи.
Как шмотки кучами на распродаже:
Берите сейчас – потом будет дороже!

Берите кто хочет! Куда мне столько!
Немыслимо, ни приподнять, ни взвесить.
Мне бы хватило маленькой дольки
Уютной, словно лубочный месяц.

Минуты тянутся бесконечно.
И в каждой по вечности,
Как матрешки,
Срываясь с небес, садятся на плечи,
Их пригибая к земле понемножку.

Безумие,
 Над которым нету
Власти
 Ни в этом,
 Ни в следующем мире.
Бездонная пропасть
 С разинутой пастью,
И каждому выдано по билету.
 Чтоб падать туда,
Беспомощны крылья.
Для крыльев нужно,
 Чтоб ветры дули.
А здесь без труда
 Световые мили
Мелькают,
 Рябя,
 Обгоняя пули.

Инстинкт выживания – другое дело.
Любовь – скорее инстинкт смерти,
В котором зародыш чужого тела
Вместо тебя головою вертит.

Сплошная любовь.

Справа и слева

Гвоздями

В горстях

Растопыренных пальцев,

Что посягнули обнять неумело

Необъяснимое.

Распяты на пяльцах

Для вышивания крестиком

Души, чтоб вновь

Иглою

Вонзалось в них

Слово

Любовь.

«До нашей встречи...»

До нашей встречи,

Видно, не дожить.

Дожди

Вращали мельницы, и время

Перетирало вечер

В миражи,

Что затерялись в памяти. Поленья,

В который раз отдав свое тепло,

В камине исчезали, не дождавшись,

Когда квадрат двери взмахнет крылом

Впустив тебя. И где-то, не добравшись,
Мы, кажется, застряли навсегда,
Оставив все как есть. И как улику
Таим привычку приходить сюда.
На нашу территорию. Пиликал
телефон, наладив связь, на безопасном расстоянии,
Где, кстати,
Легко застать врасплох
Кого угодно,
Только не тебя.
И этот факт как феномен занятен,
Но плох,
Как факт, стирающий с лица улыбку,
Неприятно
Заменяя вдохом,
Что тянется до самого конца,
Заканчиваясь выдохом, понятно.

До нашей встречи, где-то пять минут,
На четверть часа растянув,
Едва ль их хватит, чтобы что-нибудь вернуть
Оттуда, где фатально опоздали
К назначенному времени. И вот,
Забыв покой,
Изображаем колесо и белку,
Пытаясь повернуть наоборот
Привычный ход часов,
Рукой
Подвинув стрелку.

«Луна росла. И вот ее овал...»

Луна росла. И вот ее овал
Уже почти что принял форму круга,
Который паутину тьмы порвал,
Сквозь облака светясь. И мы, друг друга
Не видели как раз
С тех самых пор, когда луна была такой же,
Или раньше.
И нам казалось – мир звучит без фальши,
Двумя телами в нерв переплетясь.

Но время шло и двигало предметы,
Переместив небесные тела,
Переместило нас. И я не знаю, где ты,
И не уверен, что вообще была.

И вот теперь луна опять большая,
Но все совсем не так, как в прошлый раз.
Курю LM, в кармане их нашаря.
«Я Вас люблю, я думаю о Вас».

«Любовь нашу —...»

Любовь нашу —
Нарядим девкой гулящею,
Выпустим
Запросто в люди.
Пусть думают:
«Она ненастоящая».
А у нас
Только эта,
Другой не будет.

Любовь наша
Публичная.
Подберем ей одежды
Броские,
Чтобы тянулись к наличным
Невежды.

Нашей любви отголоски
Дергают чьи-то нервы.
В чьих-то ушах навязчиво всхлипывают.
Наших детей недоноски
Плодятся без меры.
Их сплевывают на тротуар с хрипами.

Мы любим:
На сцене,
На стадионе,
В книжках,
Как на арене

По кругу кони.
Наша любовь на афишах
Как дрессированный хищник в загоне.
Как фишки
Двигаем себя сами,
Из пешки
Выпестывая ферзя,
Садясь не в свои сани,
Делаем то, что нельзя —
Любим друг друга.

О постоянстве... не идет даже речи.
Какой еще, к черту, страх!
Просто
Навстречу
Тянемся,
Каждый своею бездною,
Бессмысленно
И бесполезно,
И забываемся
В снах.

Да так и останемся,
Каждый в своем болоте:
Один — с детьми,
Другой — на работе.

Оно и понятно,
Ведь жизнь не наркотик:

Чем дольше живешь,
Тем хочется меньше...

...Ты, что... меня ждешь?
Я? – Тоже... конечно.
И наша любовь
Улыбнется нам вслед.
Она остается,
А нас уже нет.

Из цикла «Синяя тетрадь»

«Я люблю...»

Я люблю
 Свое одиночество,
Темноту укачав
 На плечах,
И смотрю:
 Вот луна кособочится
Безнадежная,
 Как свеча
В моей комнате
 На рояле,
Освещая
 Хоть что-то едва ли.

Каждый день
 Как подарок на день рождения,
Не последний
 Еще,
Но неважно
 Уже:
В бесконечноэтажном
 Своем восхождении
На каком наконец-то

Застрясть этаже.

«Аккорд...»

Аккорд —

Распятие пальцев в черно-белых зубах клавиш.

Рояль, как мухами,

Шальными чихает звуками,

Готовясь к созвучьям пока лишь.

Диссонансами перегружен,

Словно простужен,

Ногами в пол упираясь кривыми,

Из плоскости деки в земную ось,

Швыряет навывлет,

Насквозь

Ноты

За горстью горсть.

Вот он!

Шагами тактов врываясь

В порывы ветра,

Стараясь

Скелетом

Механики за конвульсией рук

Поспеть.

Звук,

Рожденный взлететь,

Пробивает
Гвоздем кисти рук,
Прибивает
Их к небу,
И вдруг...
Исчезает
Бесследно.

«Я привыкаю к немоте...»

Я привыкаю к немоте,
Которая во тьме, распятой
Гвоздями фонарей, везде.
Невнятный
Гул, уже не рев,
Все тише, тише.
Я привыкаю жить без слов,
И их не слышу.
Я привыкаю к темноте.
Так мало света в зимних сутках,
И кажется, что тьма везде.
А день едва ли в промежутках,
Увы, так быстро устает,
Сменяясь бесконечной ночью.
И я встаю ногой на лед.
И обучаюсь жить на ощупь.

Праздник

Шумным балом
Полны залы.
Злы золы служанки в туфлях,
Хрусталем звеня не в лад.
Крысы сдохли.
Тыквы стухли.
Ночь. В разгаре маскарад.

Фея добрая со скрипкой
Слилась. Пилят их смычком
Как пилою накость-сикось
Злая фея со сверчком.

Заплетая в крендель ножки
Принц танцует краковяк.
По неведомым дорожкам
Ходят пары на бровях.

Бьют куранты.
Близко полночь.
Пивом пенится бокал.
Заложив ладонь за помочь
На салате рыцарь спал.

Три невесты царской крови

Будто с цепи сорвали́сь.
Не стесняясь посторонних,
На столе дают стриптиз.
Опрокинули сметану,
Распустили бигуди,
Гнут коленца, вертят станом,
Рвут тельняхи на груди.

В ратном деле преуспели
Тридцать три богатыря:
Ели-пили-спали-ели...
Не осталось... (ничего).
Черный дядька с бороною,
Что чужих ворует жен,
Знать, рехнулся с перепоем —
Лезет в драку, на рожон.
Тычет в грудь костлявым пальцем,
Брызгает слюной, кричит...
Кто-то дал ему по яйцам.
Ну? Не пачкать же мечи!?

Зверушка

Однажды, осенней порою студеной,
Он из лесу вышел.
Он сильно замерз.
Он плакал чуть слышно
Слезой соленой
И лапкой мохнатой придерживал нос.

Он шел одиноко из сумерек в поле,
Следы оставляя на талом снегу.
Прикрывшись от ветра, что щиплет жестоко,
Сгибаясь, как будто от боли в боку.

Он был неопрятен,
Невзрачен, мохнат.
Он был неприятен
На вид. Он озяб.

Зверушка. Без пола, без возраста, с мехом,
Торчащим клочками на теле тщедушном.
Ошибка природы, что служит для смеха
Случайных прохожих.

Нелепый снаружи,
Прекрасен внутри
Как сказочный принц,
Что чудом спустился к нам с книжных страниц.

Он спит где-то рядом,
Наверно, в подвале
Соседнего дома, что скоро снесут.
Во тьме непроглядной
Согревшись едва ли,
Не выпивши чаю, не съев колбасу.

И снится ему удивительный сон,
Как будто бы он – это вовсе не он,
А юноша с ослепительным взором,
С подбором в причёске, в туфлях и в трико,
С гитарой в руках, что звучит перебором,
И с песней про счастье,
Что льётся легко.

Он будто на сцене,
И люди вокруг,
В оцепенении слушают. Вдруг
Толпа шевельнулась
И зрительный зал
Стал как бы похож на какой-то вокзал.

Какой-то вокзал.
И кто-то на нем

Зачем-то сказал:
«Давайте уснем».

И вот на вокзале
Зал ожидания.
Там спят, ожидая,
Лишившись сознания —
Буфетчица спит, опершись о буфет,
Патрульный под вывеской «Выхода нет»,
Уборщица с тряпкой, на швабре качаясь...

Все спят. Только он, от других отличаясь,
Смущаясь слегка, проходил, наклонясь
Над лицами спящих, на выход стремясь.
И все – как одно,
Вычленяясь из масс —
С разинутым ртом,
Абсолютно без глаз.

И это лицо напугало его
Нелепостью позы
И чувством беды.
В нем, в общем-то, не было ничего.
Лишь дырки для воздуха и для еды.
И в ужасе он обернулся на свет,
А там – только вывеска: «Выхода нет».

И вот он проснулся в темном подвале.
В бреду, и в поту, и в сознании едва ли.

И слезы в ушах —
Он лежал на спине
До выхода шаг,
Но выхода нет.

3

Ему не спится.
Сон так зыбок.
Искрится
Снег под фонарем,
Как стайка самых мелких рыбок,
Под пароходовым килём.

Но, независимо от свойства
Менять местами дни и ночи,
Все как во сне про беспокойство —
И стол накрыт... И гроб сколочен...

И вурдалаки точат зубы...
Собаки взглядом просят мяса...
И, всех расталкивая грубо,
Шел праздник, плясом распоясан.

Шел, наступая на столы, переворачивая блюда,
Шел не сюда, а вон отсюда.

Омут

Беспорядочно пальцы скользят по вискам,
Заплутав в волосах.
Снова жизнь рассыпается по кускам
В пух и прах.

Бессознательно память мотает круги – лабиринт.
Увлекательно падать в омут реки,
Словно винт.
Выпускать пузыри, наполняя водой
Новый вдох.
И сольется в дали глубина с высотой.
Всех дорог

Перепутья сойдутся в единый момент,
Став концом.
Это звезды смеются, роняя свой свет
На лицо.

«Испуг сменив на ужас, рушась с ног...»

Испуг сменив на ужас, рушась с ног,
Бежал во тьму, бежал как только мог.

Лежал во тьме под комариный вой,
Опять бежал, стряхнув ночной покой
С озябших веток, заставляя их
Трещать, дрожать, ломаться,
Словно стих, случайно выпавший
Из судорожных уст.
Шарахался, запутавшись за куст,

Смежал глаза, чтоб слушать тишину,
Дыханьем разрывал ее струну,
И, огрызаясь на луну,
Бежал
На страх, на риск, на слух и наугад,
Невовремя, не в тему и не в такт,
Едва-едва улавливая ритм,
Бросал слова под ноги,
Словно им
Отныне с ним совсем не по пути —
Слова для тех, кто предпочел идти.
А для него – лишь стоны или хрипы,
Что глотку рвут, но выплюнуть забыты.

...А впереди слепая ночь лежит.
Какого черта он туда бежит?!

Мне страшно здесь

Мне страшно здесь, все эти люди-тени,
Являясь отражением ЕГО,
Плодят слепых страстей переплетенье.
Мне страшно здесь, здесь нету НИЧЕГО.

Один ли я?
И кто они, другие?
А если, проходя все тот же круг,
Перебывал по разу всеми ими,
И окружаю сам себя вокруг?

Как...

1. Как у Чут-Чутчева

*...Люблю грозу
в начале мая*

Сарай
Промок! Совсем дрянной сарай!
Пора
Сносить, но кто бы мог подумать?
Был ливень, гром, и молния, и май!
И – вот свезло!
Как раз в сарай и... (долбануло)

Там, правда,
Был еще велосипед,
Корыто, и дрова и лыжи.
И славно!
Что теперь их больше нет.
И нет проблем и геморроя или грыжи.

2. Стихи о советском паспорте (Как у Мяуковского)

Нет, не нашел, широких штанин!
В комоде своем,
Как ни шарил.
Корзинки, коробки,
Картонки картин,
И темно-вишневые шали.
Я волком
Метался,
Вгрызаясь в бельё
И нервно
Куря
Сигареты.
Да где же он?!
Где же он??!!
Где??!!!
Ё-моё!!!!!!
Недавно ведь был...

И вот...
...Нету.

Любую бумажку —
Скомкать
И смять!

В ней
Пользы —
Лишь для туалету!

Любую бумажку...
(да где же он,
... (междометие)!)

Можно терять.
...Но Эту?!

По длинному
Фронту
Очередей

В отдел пропусков
И кадров.

В окошки
ОВИРов,
ЖЭКов,

И всяких там
Судей,

И всяких там
Прочих
Гадов,

Иду
Сторонясь

Взгляд
Опуская
«Я тоже
Был бы
Если б
Не паспортный
Стол».
Суета
По всей
Великой стране:
...Рассмотрены,
Взяты
И посланы...
...Сдают паспорта,
А я в стороне.
Стою в стороне,
Как обосранный.
И не удержать
Головы качан,
Распухшей
От бед
И советов.
Голова
Норовит

Скатиться с плеча,
Что б не быть
Привлеченной
К ответу.

Брожу
Как с бомбой
В иголках ежа:

«А вдруг
Остановит
Милиция?

Опять потащат
С собою,
Сажать
До выяснения милиция».

Берут, не моргнув,
Не сотню,
Не две,

Не зная меры
И скромности:

Последний раз
Было:

ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ!

Такие
Плохие
Новости.

Мой молоткастый!

Серпастый мой!!
Пурпурокнижецеликий!!!
Пошто?

Ты оставил меня
Одного,
В этой стране
Полудикой?
Гремучая
Очередь
В двадцать жал,
По четвергам
И средам.
И справка
Со штемпелем,
Чтоб не уезжал
К датчанам
И прочим
Шведам.
Я волком бы
Выскочил
За кордон,
Через цепь
Краснофлагих
Запретов.
Но все
Упакованы здесь,
Как в гондон
В паспорт

3. Как у Горикого:...О Буревестнике...И о пингвине

Над седой равниной моря
Собралась непогода.
Все попрятались куда-то:
Звери – в камни.

Рыбы – в воду.
Только бодрый Буревестник,
Между волнами и небом,
Борзо реет и кружится:

То крылом заденет тучу,
То другим черпнет водицы.
А вокруг мороз трескучий
Щиплет птиц за ягодицы.

Толстый пингвин глупо прячет
Тело дряблое в утесе,
И бесформенно маячит,
И глазами в небо косит.

В небе реет буревестник.

В небе скоро грянет буря.
Охнет! Ахнет! Свистнет! Треснет!
И пингвина в море сдует.

Александр Шишкин

г. Санкт-Петербург

То, что пишет Александр, не является рассказами в классическом понимании. Это зарисовки, какая-то разбросанная

мозаика. Если постараться все сложить воедино, получается довольно примечательная картинка нашей современной жизни. Порой она веселая, порой грустная.

Из интервью с автором:

Родился 15 сентября 1964 года в Советской Социалистической республике (увы, уже не нашей) Украина. Объездил, облетел и обходил Родину-матушку, от норвежской границы до Находки. Транзитом через Вьетнам добрался до Персидского залива. Образование высшее, военно-морское. Журналистские университеты прошел в Брянске. Учителя были хорошие – повезло. Одиннадцать лет работы в спортивной прессе. Последние годы живу в Санкт-Петербурге. Никакой громкой литературной повестки себе не ставлю, стараюсь лишь замечать жизнь во всем ее многообразии. Нежному любимому моему другу Танюше посвящаются эти литературные упражнения.

© Шишкин А., 2020

Муравейник

В жилых кварталах рабочих окраин Питера есть удивительные места. Называются они иностранным словом «хостел», а попросту говоря – общежитиями. В одном таком богоугодном месте автору этих строк и приходилось прожи-

вать. Так складывались обстоятельства...

Общежитие-общага, пристанище для всех обездоленных граждан и некоторых гражданок. Но второй категории мало. Их почти не заметно. Заведение называется – «Муравейник». И бегут, и ползут сюда «муравьи» едва ли не со всего города. К свету и теплу. Хоть уюта в «Муравейнике» не так уж и много. Главное – тепло, и есть где выспаться и приготовить поесть. Если, конечно, у вас имеются в наличии продукты. В общем холодильнике свою снедь оставлять без присмотра не рекомендуется – вмиг «уйдет» в чужую кастрюлю, на сковородку, а затем уже и в совершенно не дружественный вам желудок. Один раз я так опростоволосился. Вечером купил вареников с грибами, луком и картошкой. Думаю, будет мне и завтрак, и обед. Зря я так думал. Искать следы пропавших вареников было делом бесполезным, оставалось лишь предаться сладостным грезам, кои уводили меня в мир гастрономического наслаждения.

Пошел за своими ботинками (поставил у батареи на ночь) – не нашел. Моя обувь каким-то чудесным образом «сама вылетела в окно». Благо что недалеко. Конечно, все это такие смешные мелочи для нашего «Муравейника».

Нас в комнате четверо. Стараемся друг друга поддерживать и продуктами, и деньгами. У кого что есть. Так проще, так можно продержаться определенное время. Правда, деньги, если они появляются, заканчиваются очень быстро.

О себе говорить не стану. Скажу лишь, что возвращение к

писательскому труду очень сильно затянулось. А работать на предприятии или в каком-либо супермаркете пока не могу. Боли в позвоночнике и суставах на левой ноге не позволяют мне полноценно трудиться.

Приблизительно такие же проблемы испытывает и мой первый сосед – Виктор. У него проблемы с ногами. Говорит, что анемия, что не чувствует ног. Он постоянно делает какие-то уколы, лишь бы ноги двигались. Витя дважды сходил на работу, и все. Снова никуда не ходит. Второй сосед – Геннадий, мужик серьезный. Вкалывает ежедневно, от зари до зари. Не пьет, не курит, раньше, конечно, он и пил, и курил. Так вот, чуть что не так, можно от Гены и крепко получить. Данное «удовольствие» с завидной регулярностью получал четвертый житель нашей комнатухи Сеня – мужичок невысокого роста с длинной куриной шеей и маленькой головой. Как Семен не пьет, так душа душой. А как выпьет, так тут же ночью и обделается. Мокрота и запахи преследовали нас еженощно. Геннадий сначала Сеньку жалел. Вскоре стал предупреждать:

– Еще раз выпьешь и обоссешься, пойдешь в коридор спать.

Конечно, Сеня не придавал значения словам серьезного соседа. И как-то с пятницы на субботу произошел с Семеном очередной конфуз. Скрыть следы виновному не удалось, хотя он очень старался. Проказник получил от Геннадия по лбу, обиделся и отправился искать себе иное место житель-

ства.

Чего греха таить, здесь, в «Муравейнике», большинство жителей прикладывалось к бутылке. Кто меньше, кто больше – зависит от имеющихся средств. Работают, и не просто работают – пахут. Большую часть личных денежных сбережений отправляют семьям. А на сэкономленные по вечерам «квасят». Надо же как-то получать моральную разрядку. Правда, «расслабон» изредка дурно заканчивается. Требования, обиды, споры-раздоры. На тебе по морде! Получи обратно. Ссора с Ильнуром, жителем другой комнаты, получилась весьма тривиальной. Все из-за глупости:

– Ильнур, мы у тебя в холодильнике оставили продукты, надо нам забрать, ужин приготовить.

– Не отдам, пока пиво не принесете. Я что, просто так их хранил?

– Ах ты гад такой, сволочь, – произнес в сердцах Витек.

– Я гад и сволочь?! Пошли выйдем.

– Пошли.

И понеслось. Палкой по голове. Кулаком в лицо. Борьба в партере. Валяние на клумбе. Ильнур потом произнес: «Да ты что, Витек, я же шутил насчет пива». Ничего себе шутил, люди хотели поужинать, а этот стопятидесятикилограммовый слон не хотел возвращать и требовал пиво за хранение.

А в воскресенье двадцать четвертого марта к нам забрел музыкант. Играл в нашей комнате на саксофоне мелодию из кинофильма «Крестный отец». Сидели, общались, выпива-

ли, разговаривали о литературе. Хвалили Эриха Марию Ремарка, вспоминали произведения великого гуманиста. Как-то даже не верится – саксофон, Ремарк, водка...

Да уж. Оплачивать мне нужно за койко-место. Четыре дня просрочки. Могут выгнать на улицу. Деньги на банковскую карточку мне пока не каплют. На улице, что ли, буду ночевать? Так не хочется. Никогда такого со мной не было.

Доставка еды – никакой ерунды

Дежурю в закрытом элитном жилом комплексе. Да не пройдет – не проедет на его территорию посторонний, да не потревожит он покой досточтимых граждан! Мониторы, видео- и аудиозапись – все как положено, все в помощь «всевидающему глазу, всеслышащим ушам» охранника.

Вот подозрительного вида гражданин как-то долго прогуливается во дворе да еще глубокой ночью. Выхожу на улицу, обращаюсь к нему:

– Не спится, уважаемый? Тревоги какие? Может, помощь нужна?

Здоровенный детина метра два ростом и весом центнера полтора с окладистой рыжей бородой – эдакий король Ротбарт – отвечает:

– Доставку жду, – и продолжает тревожно вглядываться в туманную даль, как легендарный Фридрих в ожидании воинов.

Натура у меня такая, что начинаю ерничать:

– Уже три часа ночи. Наверняка мебель привезут, а то спать не на чем. Так ведь?

Рыжебородый, уловив сарказм, с обидой в голосе отвечает:

– Какую мебель? Кушать хочу!

– Да, – говорю, – кушать хочется всегда, это дело деликатное!

Нынче так заведено: во многих благородных домах завтраки, обеды и ужины люди уже не готовят. Стоит позвонить в соответствующую компанию по доставке еды, и в течение часа, а то и меньше, к вам в дверь постучат, да что там постучат – ломиться будут, дабы вы и ваше семейство голодными не остались! Как заприметите в городе фигуры в нелепых желтых, зеленых, красных плащах с огромными котомками за спиной, пеших ли, верхом ли на разномастных колесных транспортных средствах, согнувшиеся от непосильной ноши, знайте – это доставщики готовой еды. В любую погоду, в любое время суток скромные труженики общепита доставят вам и суп, и борщ, и котлеты, и пиццу, и суши – все что угодно, что душа пожелает. Главное – заплатите!

Красота! Вот жизнь наступила! Не надо по утрам шлепать на кухню, суетиться у плиты, что-то придумывать. Все гораздо проще:

– Дорогой, у нас была удивительная ночь, и я проголодалась. А ты хочешь поесть?

– Даааа! – обессиленно раздается в ответ.

– Тогда я заказываю пиццу и суши!

– Дааааа! – обессиленное вновь.

Доли секунды – звонок, вопрос, ответ, заказ!

– Ну что, дорогой, скоро у нас будет завтрак! А пока продолжим наши занятия. На чем мы остановились?

И снова в ответ, но уже бодрое «Дааааааа!»

И надо бы поторопиться исполнить задуманное, так как с минуты на минуту в дверь уже будут скрестись, звонок будет трещать и разрываться: «А вам доставочка!». Тут уж не до личной жизни. Вставай, одевайся, готовь денежку, чтобы рассчитаться и, конечно же, наградить доставщика чаевыми. И он, довольный, быстро исчезнет, торопясь по следующему адресу. Больше доставок – больше заработок!

А хозяева, откушав в удовольствие пиццу и суши, займутся наведением порядка в квартире.

– Дорогой, у нас беспорядок, уберем в квартире?

– А как же! На обед к нам придут друзья. Встретим их, как подобает! Кстати, клининг (уборку помещений) я уже заказал. Обед пусть доставят немного позже. Удивим-порадуем гостей?

– А что ты собираешься заказывать, милый!?

– Мисо-суп сливочный с лососем, четыре порции!

– Оуууу!

– Роллы!

– Вау!

– Удон с курицей под соусом терияки!

– Еееееуууу! А что в меню детям?

– Дети будут обедать вместе с нами. А на десерт им сладкий попкорн!

– Какой же ты молодец, как ты все предвидел, любимый. А что мы будем пить, дорогой?

– Ты разве забыла? У нас в баре осталось несколько бутылок текилы и бутылочка «Барона Ротшильда» для дам! А детям, конечно, пепси.

– Здорово, здорово! Какой ты у меня классный мужчина! К текиле неплохо бы подать еще салат из креветок с шампиньонами и лимончик. А к вину – сырную нарезку. Включи в заказ.

Так и живем. И радуемся! Ничто нас не потревожит – никаких забот, никаких хлопот. Принесут, подадут, уберут, помогут!

Меняются времена! Вернувшийся с работы муж уж не кряхтит на диване, ловя ноздрями запах жареных домашних котлет, в квартире уж не витает аромат потрясающего борща, дети не забегают на кухню, чтобы стащить очередной горячий оладушек и не лезут в холодильник за вишневым компотом, а мама не ругает их и не просит подождать, когда все это будет подано к столу и семья сядет ужинать.

Сменился уклад, отступил домострой, старые добрые времена вот-вот канут в Лету. Младое будущее наступает на пятки: посторонись, дай дорогу быстрому в целлофане и

пластике, сойди с дистанции со своим вареньем и киселем.

Ээх, жаль, конечно, но уходит безвозвратно наше время, да и мы сойдем и со своей уже устаревшей эпохой.

Самые длинные выходные

Ни у кого таких нет. В мире! Да что там в мире. Во всей вселенной. Не успеваем перетруждаться. До прихода этих самых длинных выходных мы трудились долго, старательно, самоотверженно и результативно. «Мы заботимся о вас каждый день» – прочитал я рекламу на грузовом автомобиле одного из торгово-продовольственных комплексов. Еще бы о нас не заботились! Мы-то знаем, понимаем и чувствуем. Не то чтобы! Даже наш седалищный нерв чувствует заботу! И на длительные выходные уходим одухотворенные, с высоко поднятой головой, светлыми чаяниями, радужными надеждами и со звоном монет в карманах! Эх, благодетели постарались, чтобы мы не отчаивались, проводя безмятежно выходное время. И нам можно было бы только пить, есть, спать, гулять, развлекаться и ни о чем таком запредельном не думать.

И о запредельном, и вечном не думается первые дня три, максимум – четыре. Живем, радуемся, наслаждаемся. Любим друг друга, приветствуем, дарим улыбки, восхищаемся текущим моментом – ура, троекратно! Снуем по праздничным улицам, туда и сюда, туда и сюда. Эх! Жизнь хоро-

ша! Удалась! Розовые пони пролетают над землей и мы гордо держимся в седле, уносясь в облака. Где там, что там, кто там, когда там – нас не интересует, дух захватывает, волосы развеваются, запах шашлыка щекочет ноздри, хмельной воздух кружит голову! Падаем в майские травы, вставать не хочется, да и невозможно! Да и зачем? Лежать бы так долго-долго, млея под ласковым солнышком.

Хлоп, хлоп себя по карманам, – где мое портмоне, где тут мой кошелечек драгоценный? Ооо! Уже надо считать, сколько дней прошло – три, четыре, пять? Неизвестно. Вышел зайчик погулять. Куда он вышел, куда ходил, что делал? Да и ладно, лишь бы зайчику было хорошо. Ну вот, ну вот, еще остались, еще остались золотые червонцы: раз два, три. Есть еще на что прожить и выпить. И жене, и детям, и мне. Ну и пусть мне меньше всего. Я не гордый. Терпите, родные. Скоро папа пойдет на работу, заработает много денег и снова заживем! А сейчас такие большие выходные. Надо провести их достойно! Денег жалеть не будем, а будем и дальше радоваться и отдыхать! А сколько денег было? Достаточно! Сколько это «достаточно»? Неважно. Главное, что они были. И хватит еще на три дня. А дальше? Заработаю! Когда? После выходных. Выходные же еще целую неделю. Дааа? Вот так. Мы будем спать и отдыхать. Никуда ходить не будем, покупать ничего не будем. А поесть? Очень хочется. С голоду не умрем. Диета полезна. Надо выводить вредные вещества из организма, накопленные за время больших вы-

ходных. Так вредные вещества уже два дня как ушли. Кто ушел, куда ушел? Вредные вещества ушли. Поэтому они и ушли – от того, что вредные. Так и полезных веществ уже осталось совсем мало. Ничего страшного. Будем держаться. О нас ведь заботятся и помнят каждый день. Да ты что?!

Тишина на улицах и площадях, в гипермаркетах людей заметно поубавилось. Но много туристов. Их для этого в Питер и привозят создавать массовость: нас много, мы радуемся каждой минуте! А мы? А мы? А – здесь, здесь. Скоро, скоро, скоро! Несколько дней – и закончатся праздники. Пойдем, пойдем. Строить, копать, грузить, водить, шить, ткать, продавать, охранять. Все будем делать! Всё будем делать, всё, что ни скажут и ни покажут.

Всё-превсё! Надо! Время пришло. Нам уже так хочется на работу, а им так хочется нами руководить – это же тоже работа. Можете не сомневаться. Тяжелая и нервная. Без сна и покоя. Забота о нас.

Мы должны работать. Они должны нас контролировать и думать о том, что мы должны получать заработную плату. И спокойно готовиться к следующим длительным выходным. А когда они у нас будут? Смотрим в календарь. Прикидываем. Да уже скоро, не за горами. А то ведь мы уже заработались, устали. Быстрее бы, быстрее бы снова долгожданные праздники и выходные дни!

Солнечные муравьи

Если бы кто-нибудь мог взглянуть с неба вниз на землю, какую разницу заметил бы он между работами людей, с одной стороны... и муравьев – с другой!

Авл Корнелий Цельс

О времена работы в охране! Славные денечки! Есть что вспомнить! И не только печальное. Порой везло и на приятные истории.

Случилось, что ходить мне стало невмоготу. Причина – перелом второй плюсневой кости на левой ноге. То, правда, выяснилось гораздо позже, когда медицинские светила сделали-таки повторно рентгеновские снимки с разных углов и положений. А до того не ведал я ни сном, ни духом, в чем же причина моей нетвердой поступи. Хожу-брожу в торговых залах, охраняю-стерегу магазинное добро и тут приговор эскулапов:

– Э, друг, так у тебя тут перелом, коему уже полгода.

– А как же раньше вы не смогли определить?

– Извини, как-то так.

Один молодой хирург-травматолог предположил, что перелом мог быть стрессовый. Это когда от чрезмерных нагрузок лопается косточка на ноге. Но рассказать хочу не о травме. Надоел я охранным начальникам своей постоянной хро-

мотой; неспособность к быстрому передвижению помогла мне отправиться присматривать за детской площадкой, наблюдать, чтобы малыши особо не безобразничали. Вот там-то и посчастливилось провести прекрасные часы общения с детьми, наполнившие меня позитивными эмоциями, заставившие подобрать, а душу оттаять, «как апрельская пашня».

Оформление детской площадки было просто превосходным. Даже я, взрослый, пришел в восторг от красочных картинок с изображениями сказочного леса и его обитателей – оленей, лосей, медведей, лис, волков и прочей живности, оживших под кистью питерского художника Игоря Яновского. Сразу видно, что в диковинном лесу зверям живется дружно и вольготно.

Местом моей дислокации служил гардероб. Обязанности весьма просты: принять-выдать одежду да следить за молодыми людьми возраста от трех до десяти лет. Общение же с маленькими гражданами задалось легко и как-то сразу – буднично, просто и открыто.

– Здравствуйте! Пожалуйте на нашу чудесную площадку. Уважаемая мама, вас тоже милости просим! Всех ждут незабываемые впечатления. Шум и гам здесь постоянные, вон, даже наши нарисованные звери от такой кутерьмы потеряли спокойствие – лось рогами трясет, медведь за дерево прячется! Зато весело. А вещички можете сдать в гардеробчик, они не пропадут!

– А вход здесь бесплатный?

– В наш волшебный лес вход абсолютно бесплатный!

Женщина засмеялась, оценив обстановку, а из-за ее спины выглянула девчушка лет пяти: веснушки, курносый нос, круглое пухленькое личико.

– А ты что, принцесса, боишься? Не волнуйся, видишь, как у нас тут здорово!

– А я уже ничего не боюсь!

– Проходи, проходи быстрее!

Шапочка, пальтишко, сапожки слетают с девочки в одну секунду. Мама только и успевает подхватить одежду дочери, которая тут же исчезает в водовороте событий, происходящих на площадке. Я принимаю вещи и спокойно присаживаюсь на стул в ожидании новых посетителей. Мое временное спокойствие заканчивается быстрее, чем я ожидал. В гардероб через окно летят разноцветные пластмассовые шарики: красные, зеленые, желтые, синие. Скажу, что их в достатке на детской площадке. С напускной строгостью спрашиваю:

– Что это такое? Кто это безобразничает? Ух, я вам сейчас!

В ответ раздается детский смех, и шарики летят уже в другое окно.

– Да вы что, меня совсем забросать хотите?

Смеху еще больше, шариков еще больше. Очевидно, посетители основательно подготовились.

– Ну, держитесь, муравьи!

Начинаю «отстреливаться» шарами из своего укрытия. А

за стеной смех еще звонче! Дверь в гардероб внезапно приоткрывается, и в щелку на меня смотрят две пары любопытных хитрых глаз, в них радостное крошево из приветливости и озорства.

– Вы, кто?

– Мы?

– Вы, вы, уважаемые.

– Мы – роботы! Мы пришли победить тебя!

– Если так, проходите!

Мальчишка сразу же убежал, а девочка осталась.

– А, это ты недавно с мамой пришла! Как тебя зовут?

– Меня зовут Настя, а тебя как?

– Меня Саша. Вот и познакомились!

– А что ты тут делаешь?

– Работаю охранником.

– Нас охраняешь?

– Смотрю, чтобы вы не шалили.

– А мы тебя ни капельки не боимся!

– А вот так? – Я нахмуриваю брови.

– Давай играть в прятки-догонялки!

– Мне нельзя, я на работе.

– Какая еще может быть работа?

Девочка звонко засмеялась и принялась прятаться в пальто и шубах. «Ищи, лови меня!» Тут я невольно представил картину, как большой дядя носится за маленькой девочкой, хохочет, играет с ней в прятки. Недовольные посетители на-

верняка бы вызвали этому дяде скорую помощь. А если девочка разобьет себе лоб? Ко всему, ценность и сохранность чужих пальто и шуб превыше всего. Иного выхода у меня не было: догнав шалунью, подхватил ее на руки и через окно бережно передал маме. А девочка смеется, заливается. Спрашивает:

– У тебя мама есть?

– Нет, она уже давно умерла.

– А у меня есть! А вот папы нет.

Тут я сообразил, что Настя спрашивала не о маме, а о жене.

Жена-то есть. Только в Питер со мной она не поехала. Стало грустно: недалеко от Санкт-Петербурга живет такое же маленькое, озорное и очаровательное существо – моя дочка, которую я не видел уже несколько месяцев.

– А мы еще придем к тебе, – произнесла Настя, – до свидания!

– И вам всего доброго и хорошего. Приходите, буду вас ждать!

– Придем, придем. Пока!

– Пока, пока, – помахал я вслед им рукой.

Время быстро летит. Вот стрелки часов близятся к десяти вечера. Надо предупредить посетителей, чтобы собирались домой, так как сказочный лес засыпает, а площадка закрывается. Выхожу из гардероба. Никто и не думает уходить. Муравейник гудит: Вася Ильин отчаянно жестикулирует, что-

то поясняя своим собеседникам, Руслан и Артур бегают изо всех сил – их еще надо поймать и привести в чувство. У сорванцов есть сестрица Аннушка. Она упала на пол, закатила истерику. А их мама безучастно вяжет, очевидно, надеясь, что я соберу и успокою детей.

Останавливаю детскую ручную карусель – Ириша крутится, запрокинув голову, может упасть. Говорю ей, что пора домой. Она не реагирует. Какое ей дело! Подумаешь! Домой никто не торопится. Кавказские женщины, приехавшие в Питер за мужьями-работягами, кормят грудью младенцев, абсолютно не стесняясь окружающих. Чей-то папаня преданся чтению в полном отрешении от всего происходящего. Чей-то старший брат вставил в уши наушники, слушает музыку. Какой-то малыш запутался в сетке «Веселого лабиринта» и визжит. Обстановка вполне домашняя. Остались считанные минуты до закрытия.

Постепенно муравейник затихает, зал пустеет. Грустно становится. Этих солнечных муравьев я больше не увижу. Сообщили, что завтра меня переводят на другой участок. Жаль, конечно. Привык уже. Здесь приятных собеседников у меня хватало.

А недавно заглядывал я на эту детскую площадочку. И не слышал детских радостных возгласов, и не увидел чудо-лес с диковинными лосями, оленями, медведями и прочей дивной, неведомой живностью. Закрашено все синей и белой краской.

На День флота я ходил

Официальные мероприятия стараюсь не посещать, поскольку пойдешь – в капкан попадешь. В прошлом году, к примеру, в течение двух часов был прижат полицейскими кордонами к стене дома у метро «Адмиралтейская». Близость незабываемая! Меры безопасности, сами понимаете – Он, Верховный, приезжал, праздновал, радовался, и ничто Его покой и благодать нарушать не долженствовало. Порядки такие!

Привык я, знаете ли, на все государственные праздники со стороны смотреть, на веселых людей любоваться, атмосферу ощущать, но по касательной, на расстоянии, чтоб от ликования не одуреть. А в этом, в 2019-м, году правилу своему изменил, окунулся, так сказать. А причиной тому концерт на Дворцовой площади. Дюже привлекла меня замечательная его программа. Анонсировано выступление известных мастеров эстрады! «Поющие трусы» в списках не значились.

Решил быть хитрее всех. На Дворцовую с Невского проспекта не попадешь: все закрыто-перекрыто. Поехал на «Василеостровскую». Думал, народ в основном приезжий, удобных маршрутов не знает. Как же я ошибался! Когда вышел из метро на «Василеостровской», заметил, что народные массы движутся в одном со мной направлении. По Среднему проспекту вышел на Восьмую линию Васильевского остро-

ва и направился в сторону реки к Университетской набережной. Миновав все полицейско-милицейские кордоны, оказался там, где и задумывал – на набережной Невы. Воодушевился.

Корабли в парадном строю. Личный состав, офицеры и мичманы уже построились на верхних палубах и вертолетных площадках. На ветру развевались флаги расцвечивания. Экипажи одеты по первому сроку. Эх! «По первому сроку оденьтесь, братишки, по первому сроку...» – вспомнил я слова из песни Александра Розенбаума. Медь сверкала!... А ведь и со мной такое бывало в далекой молодости...

Народу на Университетской набережной тьма. Не пройти! Все хотят узреть новейшую мощь российского флота. Я тоже радуюсь. Не то что в наши времена – корабли едва не тонули у причальной стенки, привязавшись швартовыми за кнехты. Никто никуда не ходил, никто почти ничего не делал. Сейчас красота! Сила и величие – бей вражью гадину!

К парапету набережной не подступиться – люди стояли, переминаясь, менялись местами, кто легкий – взмывал вверх, на плечи (понятно, воздушные у нас дети и женщины). Я метался по Университетской туда-сюда, жаждал видеть, душа пылала. Бегал и мысленно зывал: «Мы здесь! Я здесь!» В конце концов, повалился на клумбу, что на Стрелке, и увидел на большом экране, размещенном у здания Биржи, Его! Глазам не верил: «Вот же он, вот же!». Над Петропавловкой взошло еще одно Солнце. Он, Он, Он! Под-

нимается на борт адмиральского катера и, стоя на нем, через мгновение оказывается на середине Невы, несется вдоль парадного строя... «Ту-ту-ту-туууу-тууу», – пропели корабельные горны. «Поздравляю Вас с Днем Военно-Морского Флота!», – произнес Он. «Ууу, уууу, иаааааа, гм, гм, гм, гм, rrrrrrrааааааааа» – ответили военморы. Катер прошел строй кораблей и пришвартовался в районе Адмиралтейской набережной. Там уже встречали. Он расположился на импровизированной трибуне, расстегнул пиджак. Действо началось! «Ууууууууу, ооооооооо» – загудел обрадованный народ! «Вот это дааааа» – разнеслось над Невой и Васильевским островом. «Такого мы еще не видели и не слышали!» И радовались самой радостной радостью, какая только есть на белом свете. Он там радовался – на Адмиралтейской набережной, сидя на трибуне, а мы тут – на Стрелке Васильевского острова, стоя, сидя, или развалившись на травке, как это делал я.

Корабли в кильватерном строю проследовали: «Салют Мальчишу!» Высоко над Биржей стрекотали боевые вертолеты: «Салют Мальчишу!» Пролетели истребители: «Салют, Салют, Салют Мальчишу!» Что-то такое припомнилось мне из бессмертных творений писателя Аркадия Гайдара. Не знаю, даже и почему сие в голову пришло. Видать, в школьные годы хорошо отложилось в памяти.

Военно-Морской парад прошел быстро. Морякам хотелось поскорее попасть в кают-компания, летчикам и вертолетчикам – в распоряжение своих эскадрилий, а Ему быст-

рее заняться делами государственной важности. Мне же – попасть на Дворцовую площадь на грандиозный концерт, посвященный Военно-Морскому празднику! Но добраться на Дворцовую площадь было нелегко, ну, ежели мирно, а не как в октябре 1917-го. А я мирный! Я поплелся обратно по Университетской и не увидел впереди ни одного сведенного моста. Навстречу людское море, не протолкнуться. Пробирался зигзагами, или, по военно-морской терминологии (праздник, как-никак) галсом, правым и левым. Выбился из сил, сноровка уже не та. Вновь присел на травку. В сквере Менделеева. Предвкушал предстоящее концертное зрелище.

Около часа дня мосты свели. Ура! Прочь усталость – спешно обратно. Вот уже и Дворцовый мост, вот и площадь! На сцене поют. Большинство зрителей стоит. Счастливишки, а их меньше, сидят на трибуне. Я встал возле сцены. Оркестр военно-морских сил Вьетнама заиграл: «Прощание славянки». Аналогичные музыканты из Таиланда, явно хорошо знакомые с предпочтением российских слушателей, тоже «прощались со славянкой». Потом тайские девушки танцевали, тайский барабанщик лихо бил в тайские бубны. (Или он бубнист? Так у нас в народе называют перкуссионистов.) Тепло и приветливо принял Питер восточных мастеров.

Истинный же восторг вызвало появление на сцене военно-морского оркестра Черноморского флота. Наше, родное! Вот где народ завелся. «Севастопольский вальс, золотые

деньки, Севастопольский вальс помнят все моряки». Знаменитый Александр Розенбаум спел: «Было время, я шел тридцать восемь узлов»... Когда-то и я так ходил. Тридцать восемь узлов, конечно, мне было не выжать, я не «пароход и человек», а только человек, но в определенные моменты жизни ускорялся прилично...

Не обошлось без происшествия, кое праздника не испортило, но в суровую реальность вернуло. Кто-то распылил перцовый газ и попал молодой девушке прямо в лицо. Два здоровых военмора, в бескозырках и тельниках, обнаружили и выволокли вражину из толпы, потащили его в околоток. Нарушителем оказался какой-то ушастый азиат. Волокли доходягу, и ноги его бесполезно болтались в воздухе.

Не дождался я выступления хора Турецкого, о чем жалею. Но надо было торопиться, да и движения мои к вечеру стали неуклюжи и медленны. К метро шел по Невскому. Едва добрел.

Что сказать! И нам было хорошо, и Ему – нашему Верховному, очевидно, на душе было приятно. Мы – благодарный народ. Виват Ответственным за ежедневную заботу о нас, простых смертных. Себя не забываете, и нас не забываете. Да мы и не даем.

Гарибальди

Весьма почетно вспомнить страницы мировой истории.

Тем более, когда речь идет о таких выдающихся личностях, как Джузеппе Гарибальди. Необходимо освежить память. Что выдающегося совершил Гарибальди в своей родной Италии? Ага, вот, вот, во-оот! Семьдесят пять достойных лет, с 1807-го по 1882-й годы, прожил славный рыцарь итальянской революции. Объединение Италии: война против Австрии, Экспедиция Тысячи, поход на Рим... Было это в 1859–1860-х достопамятных годах. И еще очень много чего достойного совершил в своей жизни диктатор Сицилии! За что был увековечен в народной памяти в виде мясного деликатеса, под самым прямым названием – «Гарибальди». Так и сказано: мясо «Гарибальди». Такой розовый, приятный кусочек. Да еще производства Чехии. Зайдя в пирожковую выпить кофе, изучив ассортимент, спрашиваю:

- А почему Гарибальди и почему из Чехии?
- Чехи производят!
- Даже так? А почему не назвали Джузеппе Гарибальди?
- Кто это такой?
- Известная историческая личность. Революционер!
- Может быть, это его останки?
- Не думаю, от него уже и праха не осталось.

Сообразили. В ответ получил искреннюю усмешку. Думаю, ладно, не буду я покупать мясо Гарибальди. Не захотел. Лишь пожелал: «Если я к вам приду в следующий раз, так надеюсь, что не увижу на прилавке нечто подобное: мясные деликатесы Маркс, Энгельс или Че Гевара».

Конечно, лучше всего назвать мясной деликатес «Никола Тесла», менее радикально, более неведомо для нынешнего поколения, и наиболее приемлемо – отбивные Никола Тесла! Каково? В нашей жизни может быть все что угодно. Не исключено.

И поспешил в магазин «Всегда свежие продукты». Как же так? Наверное, во всем Кировском районе Санкт-Петербурга не всегда свежие, а на перекрестке улиц Новостроек и Зайцева, всегда – наисвежайшие и только такие! Не успевают разбирать. Гребут что под руку попадет. Лишь бы взять! Потому что всегда свежие! Очереди, выходящей из магазина, не увидел. По всей вероятности, ночью разбирают, не ленятся. Лишь бы свежее досталось. А те, кто с утра приходит, конечно, внакладе остаются. Потому что за самыми свежими продуктами необходимо ходить по ночам. И только так! Понятно дело, я в сокровищницу только свежих продуктов попал невовремя и не к месту, посему и отсюда пришлось мне убираться, не солоно хлебавши. А как же хотелось самого свеженького попробовать. Давно со мною такого не случилось...

А есть хочется все больше и больше. Ну, я и повернул с улицы Зайцева на Краснопутиловскую, пошел через дворы, решил сократить путь. А навстречу мне, вприпрыжку, бежали люди с метлами, вениками и лопатами. На спинах у этих людей красовалась надпись: «Строительная перспектива». По всей видимости, люди – граждане Средней Азии –

гнались за этой самой перспективой в надежде не расстаться с нею.

Повернув за угол, встрепенулся! Там так и написано, только по английски: «Ай лав кебаб». Все едино – прогрессивный Запад и традиционный, консервативный Восток. Люблю кебаб и все тут! Еще бы лучше: «Ай лав бешбармак», «Ай лав шурпа». Было бы здорово! Ну да ладно. В моей ситуации сгодилось, что я люблю кебаб. Но! И не только это блюдо мне нравится! Бывает, еще в «Шаверму хаус» на Новочеркасской захожу, когда по каким-либо делам следую в Красногвардейский район. Нет, нет, я сегодня не поеду больше никуда. Сыт! Даже «Достаевский» и «Бутербродский» не привлекают. Есть в Питере и такие общепитовские заведения! Не просто какие-нибудь «Пышечные», «Пельменные» со столовыми номер один, два, три, четыре и пять. Нумерация столовых продолжается – факт проверенный!

Тут бы постричься сходить – зарос за зиму. Нет, не пойду. Почему, спросите? На Ленинском проспекте увидел салон красоты: «Арлекино», сразу вспомнил слова из песни, некогда исполнявшейся неподражаемой Аллой Пугачевой: «Арлекино, Арлекино, есть одна награда – смех».

Эх, Пандора, Пандора! Кто такая эта Пандора? Из греческой мифологии – первая женщина, созданная Зевсом в наказание людям за то, что Прометей похитил огонь. Громовержец (не от большого человеколюбия) вручил Пандоре сосуд, или ящик – что-то подобное. Так вот если этот со-

суд-ящик открываешь, так из него по миру разлетаются беды и несчастья, а на дне остается лишь надежда. Есть такое выражение: «Открыть ящик Пандоры». Боже упаси! Да, что это все о какой-то Пандоре, будь она неладна с ее странным ящиком. Шикарный автосалон в Питере построили. Так и называется: «Пандора». Хорошо еще, что Пандора в Питере без ящика. Может, все и обойдется для любителей шикарных авто.

А тут еще занесло меня на улицу Варшавскую. Раннее утро, тепло, солнечно. Настроение благостное. Иду и читаю на одном из фасадов: «Осторожно, падает кирпич». Что? Почему? Кирпич все время падает? Главное, не то, что может упасть, а прямо падает. Все время! На головы прохожих. Пришлось ускорить шаг. Вдруг этот кирпич именно меня ждет. Не поверил я Булгаковскому Воланду, что кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится.

Кулинария

Проснулся только к часу дня. Работаю в ночную смену. Есть захотелось. Вот и погнало меня на кухню чувство голода. Но я же не могу что-то простое придумать: яичницу поджарить, кусок колбасы съесть, чаю попить с белым хлебом. Я постоянно придумываю разные кулинарные рецепты. Не могу просто так сесть, поесть и пойти досыпать. Кулинарных книг не читаю и не читал. Не знаю, почему. А было бы полез-

но. Сам что-то придумываю. Картошку почистил тонкими ломтиками, бросил на сковородку. Омлет на молоке приготавливал, добавил соли, специй «Весенняя зелень». Картошечка стала покрываться золотистой корочкой. Лук покрошил мелко, бросил на сковородку. Перемешал деревянной лопаткой. Когда лучок дошел до кондиции, достал из холодильника несколько шпикачек, покрошил, добавил и смешал с картошкой и луком. Подождал и залил омлетом, лопаткой перемешав несколько раз все ингредиенты. Затем накрыл все это ароматное месиво крышкой, стал ждать. Конечно, температуру конфорки уменьшил до единицы. Плита электрическая, требует своеобразного обращения, это вам не газовая, где огонь можно регулировать. Дождался, пока мое блюдо будет готово. Получилась такая картофельно-колбасная-яичная запеканка. Отрезал ломтик и с удовольствием съел. Запил чаем и через минуты снова погрузился в благодный сон. Ведь мне на работу в ночную смену.

Не знаю, когда ко мне стали приходить кулинарные прозрения. Может, все это идет от воспоминания о бабушкиных котлетах, которые поглощал с превеликим удовольствием. Прошло уже более сорока лет, а бабушкины шедевральные котлеты забыть не могу. Ох и котлетки были! Большие такие, мяса вдоволь – свинина и говядина, лук, белый хлеб, вымоченный в молоке! Все это превращенное в фарш, а затем и вкуснейшие котлеты.

Может быть, я стал упражняться в кулинарии, состоя еще

в первом браке? Моя жена очень не любила жирную пищу. Дочь шла в школу, супруга наливала ей несладкого чаю и давала два тоненьких ломтика хлеба, на коих едва можно было различить следы сливочного масла. А то, что готовил я, есть ребенку запрещала категорически. До скандалов с милицией доходило. Участковый приходил. Когда уже развелись, навестила меня как-то дочка. Нажарил я котлет, натущил картошки. Котлеты мой ребенок съел почти все. Получились они небольшими, но аппетитными. Я в них еще сыру добавил. Фантазирую в общем, когда что-то готовлю.

Вот как-то ездили мы с дочкой в Кострому, к хорошему тренеру по плаванию. Дочь Дарья длительное время занималась плаванием, стиль – брасс. Техника хромала, результат не улучшался. Вот мы и поехали в Кострому, к знакомому тренеру Татьяне Владимировне. И попали к ней на день рождения. Денег на подарок у нас не было. Думаю, что же делать? Выход нашелся сам собой. Сходили в продуктовый магазин, купили утку, чернослив, чеснок, лимоны, специи. Утку я предварительно обработал, чтобы не было на ней остатков пера, после тщательно вымыл. Натер тушку лимонным соком, нашпиговал чесноком, внутрь заложил необходимое количество чернослива. И поставил в духовку. Конечно, противень смазал растительным маслом, чтобы утка не подгорала. Время контрольное – два часа на все про все. Когда гости начали собираться, в прихожей стоял аромат жареной птицы, чернослива и чеснока. Стали рассаживаться за празд-

ничным столом, а моя утка к этому моменту уже была готова. Тогда произошло изъятие творения из духовки, я украсил его веточками укропа и петрушки, положил на блюдо и подал на стол. Утка «разлетелась» по тарелкам моментально. Даже попробовать не успел. Помню, мне дали слово и я держал поздравительную речь.

Вспомнить есть что. Как-то так переплелась моя шишкинская кулинария с разными жизненными ситуациями.

Еще был случай в моей «кулинарной практике». Канун 8-го марта, а финансовые поступления на мою банковскую карточку запаздывают. Праздник приходит вовремя, а деньги – нет. Цветов купить не на что. Женщин поздравить не могу. Только словами. Но, женщинам слов мало. Им дела нужны. Ходят женщины вокруг меня. Недовольны. А круги сужаются. Придумываю. Достаю из морозилки огромную рыбину – горбушу. Мою, размораживаю, чищу. Обрабатываю лимонным соком, чесноком, перцем, еще чем-то, что под руки попало. Ставлю все это в духовку на полтора часа. Когда слышу по запаху, что моя рыба готова, – достаю из духовки, кладу на большой красочный поднос. Украшаю укропом и петрушкой, кетчупом пишу на рыбе: «С ВОСЬМЫМ МАРТА». Зову женщин. Появились, смотрят, расцвели, улыбаются. Столик накрывается моментально. Как говорится, все, что есть в печи, на стол мечи. Даже выпивка нашлась! А ведь не было ничего, что удивительно! Праздновали, вечер удался!

А подготовка к моему второму бракосочетанию была сродни гастрономическому приключению. Банкет в поселковом ресторане не устраивали. Дорого. Решили скромно дома отметить. В кругу родных и близких. Пришлось напрячься. За день до назначенной свадьбы заготовил шашлык. Прикупил три килограмма свежей свинины в мясной лавке. В огороде соорудил мангал из кирпичей, подобрал соответствующих березовых и ольховых дровишек. Возился полдня. Вроде бы получилось. Вечером дело закрутилось по полной выкладке. Будущие жена и теща помогали. Мне досталась готовка мясных блюд, изготовление фарша и котлет. Моя невеста занималась салатами. Гастрономическое действие закончилось в пять утра, и мы в буквальном смысле слова повалялись спать. В десять часов утра все уже были при полном параде и отправились в ЗАГС. Гостей за столом было немного – двенадцать человек. Никто нас в негостеприимности и скудости стола не упрекнул. Яств хватило всем. Получилось скромно, но от души.

Так что я на кухне могу и без помощи женщины обойтись. А вот как без нее в жизни обойтись?! Без этих прекрасных черт лица, зажигающего душу блеска серых, карих, синих глаз, душевной теплоты и женской чуткости? Нам, долгое время ведущим холостяцкий образ жизни и многое повидавшим, без женщины просто гибель. Хоть на кухне порой мы и мастера на все руки.

Подарите себе мандалу, или Баба Нина вам злое напророчит

Приобрел ноутбук. Для удобства, чтобы постоянно не мотаться по библиотекам в другие районы города. Теперь хорошо. Чуть светлая мысль прорезалась – встал с дивана, а «инструмент» под боком – знай бей по клавишам компьютера, увековечивай идею в цифровом виде. Благодать! Однако, постоянно что-то отвлекает. И имя этому что-то – реклама. Без нее никуда! Вот, к примеру, как я смогу жить без мандалы? Ведь не проживу. Удивляюсь, как до этого-то дня дотянул. А предложения поступают едва ли не каждые полчаса: «Да подари же себе мандалу, не будь дураком! Бросай дела, садись, рисуй ее мощную!»

Сижу, рисую, вдохновляюсь, окунаясь в мир эзотерики, становлюсь здоровым долгожителем. А Вишудха – пятая чакра, теперь работает как часы. То-то, чую: затикало, зачесалось у горла. Так это – внутренний голос прорезался. Заслуга мандалы! И прошу не путать: у рыбаков есть мандула, приманка для спиннинговой ловли. Кажется, всего одна буква, а какова разница! То рыба, а то – деньги, здоровье и счастье!

Не пойду теперь учиться какать на телепередачу к Елене Малышевой! Без того становится здорово жить! И не надо обращать внимание на бегущую строку следующей рекламы – дешевого средства для увеличения члена на 4–5 сантимет-

ров в неделю. Отныне все будет расти и увеличиваться самостоятельно! Главное – отслеживать и не переборщить. Вишудха наладится, и заживем! Горловая чакра – шарф носить уже не надо, разве что шелковый шейный платок, как принято у поэтов и прочей творческой интеллигенции.

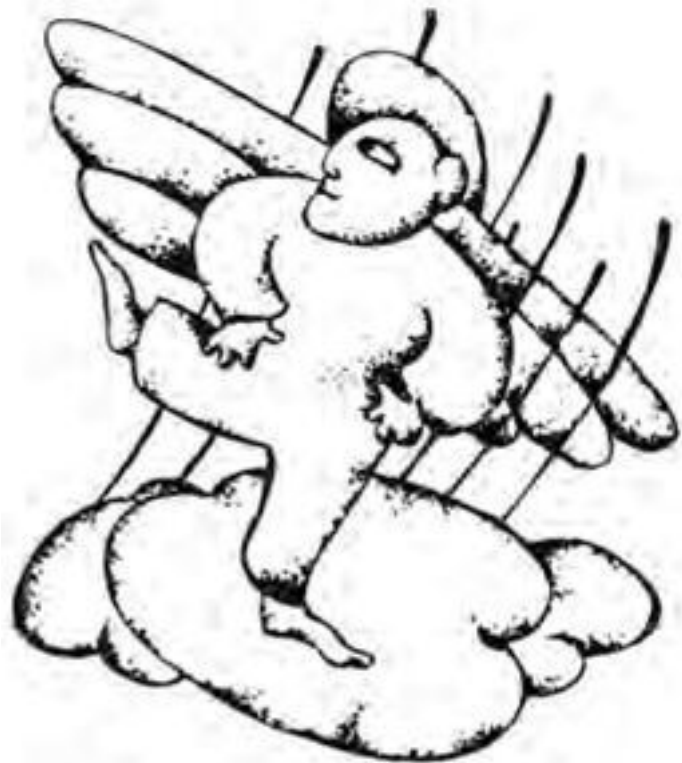
Преображаюсь на глазах, выбираю другой жизненный сценарий – Вишудха отвечает в том числе и за креативность! Мыслеобразы ожили: музыканты ежечасно сочиняют мелодии, никем доселе не слыханные, художники пишут картины, никем не виданные, пред пишущей братией открываются новые литературные горизонты.

Кстати, деньги тоже прут! Я должен, просто обязан получить огромную сумму в долларовом эквиваленте. Надо связаться с адвокатами, которые помогут мне оформить наследство в Центрально-Африканской республике. У меня, оказывается, там жил да был дядя, он умер и пожелал оставить мне в наследство десять миллионов долларов! Кроме этого, каждый день выигрываю в какие-то лотереи десятки тысяч рублей! В квартире скоро будет не пройти, все устелю купюрами. Крупными! Если будут настойчиво интересоваться местом моего жительства, никому не скажу. Не дурак же я выдавать хлебные места!

Еще новшество: надо приобрести средство, чтобы всю ночь ублажать жену! Спешу! Кто крайний? Все, держись, жена! Мне любое море по колено, мне любые горы по плечо! Как в песне! И засыпаю теперь смело, без мысли о собствен-

ном храпе. Он в прошлом. Нынче жена уже не двинет мне локтем под ребра и не произнесет: «Эй ты, болезный, давай-ка продолжать, чего расхрапелся!»

Да и не страшна теперь баба Нина с ее злыми пророчествами: «А этому знаку зодиака на следующей неделе придется туго». Бабу Нину мне бояться нечего. Идите вы, баба Нина, лесом! У меня теперь есть мандалааааааа. Я нарисовал еёоооо! Я смог!

**Алёна Туманова г.
Долгопрудный, Московская обл**

Стихи публиковались в 14-м томе АЖЛ «Сквозь зер-

кала и отражения» (2019), изданиях Российского Союза писателей (2016, 2017), тематических книгах «Библиотеки современной поэзии» (2018, 2019), литературном журнале «EDITA» (Германия, 2019 г.), итоговых конкурсных сборниках Международной Литературной Ассоциации «Добро» (2019), альманахах «Долгие пруды» (2015–2019).

Из интервью с автором:

Может быть потому, что в юности увлекалась театром и играла в самодеятельных коллективах, может быть потому, что в размеренной осторожной жизни не хватает ярких событий, люблю придумывать для своей героини неожиданные обстоятельства и образы.

© Туманова А., 2020

На саях

На саях, в столетии прошлом,
Стыд отбросив, как вуаль,
Безрассудно и оплошно
Я плыву куда-то вдаль.

Мех медвежий ноги греет,
Всласть целует льстивый друг,
И колючим снегом веет

Под валдайский перестук.

Убежать в места глухие,
Не привязываясь впредь,
Быть подвластною стихии,
Обниматься, песни петь,

Чтобы бес меня попутал,
Вихорь страсти огневой
Замутил, втянул, окутал,
Отпустил уже иной.

На санях я не каталась,
Замедляла бега прыть.
Не случилось – эка жалость! —
Робость вдребезги разбить.

Русалка

Пугают мною, опасаясь
Любовных чар наедине,
Не знают, что сама скрываюсь.
Зачем стремитесь вы ко мне?

Не раз уже до крови билась,
Хлестала сказочным хвостом.
Да, я русалкой уродилась,

Но с человеческим умом.

Русалкам чужды пары, стаи.
Я в затонувших кораблях
Одна по палубам гуляю
И отражаюсь в зеркалах.

В холодных водах не замерзну.
Всплываю из глухих глубин,
Чтоб по ночам глядеть на звезды,
Далекие чешуйки спин.

Тот, верхний, океан бездонен,
В жемчужном мареве луны
Ко мне стремится он в ладони
Приливами большой волны.

Потомки самой первой рыбы
Живут повсюду среди вас,
Вы их легко узнать могли бы
По блеску отстраненных глаз.

Таким луна милее солнца,
Не дóроги одежда, кров.
Поэты и канатоходцы —
Посланцы из иных миров.

Я осторожно наблюдаю
Людей тщеславие, борьбу,

А сластолюбцев увлекаю
На дно в ответ на их мольбу.

Плывет ко мне мужчина новый
(Прельстился полунаготой),
Кудрявый, сильный, непутевый...
Я заберу его с собой!

Ноябрь

Приспущено небо. Деревья нагие
Безмолвно стоят на ветру,
И мокнут, нахохлившись, птицы босые:
Подайте бомзам поутру!

Замерзнуть хочу я, согласно природе,
Землею застыть подо льдом,
Травую уйти при ночной непогоде,
Забыться под снегом потом.

Накроюсь лоскутным из листьев покровом...
В ознобе, в виденьях, в бреду
Дорогой весенней и в облике новом
К тебе я навстречу приду.

Царевной-лягушкой я скину одежды,
Задую в болоте огни,

А ты оставайся таким же, как прежде,
Но кожу лягушки верни!

Погашены страсти, изношены лица,
Но даже в преддверье зимы
Любовь не замерзнет, а сказкой продлится:
Эдем, сотворенный людьми.

Пурга

В машину рвется с воем
Попутчица-пурга.
Наедине с пургою
Я вроде ямщика.

Шоссе играет в прятки
С метелью заодно,
И снежные облатки
Прилипли на окно.

Метель всю ночь гуляет,
Нашептывает мне:
«Конец твой наступает —
Замерзнешь ты во сне».

Гудит мотор устало,
А впереди — ни зги.

Промчалась жизнь, пропала,
Оставлены долги,

Нет ни детей, ни мужа,
В сердцах – короткий след...
Тебе не сдамся, стужа,
И выскочу в рассвет!

Спаси меня, родная
Бескрайная земля.
Я – грешная, дурная,
Добыча февраля.

Мигает фарой кто-то:
На верном я пути.
Сегодня жить охота,
Отстань, пурга, пусти!

Семьянин

Что ни день, современный мужчина
Кофейку спозаранку глотнет
И вперед, чтобы выполнить длинный
Список дел, неизбывных хлопот.

На работе опять нервотрепка,
Сокращения, кризис гнетет.

Оплетает колеса поземка,
Словно хочет замедлить их ход.

Частоколом закрыли заботы
Убегающий вдаль горизонт.
Наступление грядущей субботы
В голове поднимает трезвон:

«Повернуть, от родных оторваться,
Побродить на охоте с ружьем,
В водоемах студеной купаться
И печным согреваться теплом!

Но ремонт не закончен в квартире,
Заболела дошкольница-дочь,
Будет плакать жена, обессилив,
Рядом некому будет помочь.

Есть еще нерешенное дело,
Замаячил удачный исход».
Выжимает он газ до предела,
Отвергая чужой поворот.

По домам зажигали б лучины
Бестолковые люди Земли,
Но спешат на работу мужчины
Для свершений во имя любви!

В поиске

Вдоль темной аллеи притихшего парка
Под шорох своих же шагов
Шла юная дева, студентка-дикарка,
Мостками мечтательных снов.

Она, улыбаясь, ловила приметы
Присутствия чьей-то души.
Ведь ей обещало духмяное лето:
«Ты встретишь его, поспеши!»

Цветное воздушное платье надела
И вышла в июньскую ночь.
В закрытой квартире созревшее тело
Удерживать стало невмочь.

Какая музыка рождалась в движение!
Какие сплетались слова!
В желанных причудах воображенья
Плыла над землей голова.

Дошла до предела пустынной аллеи,
Пора возвращаться домой.
Напрасно девичьи ланиты алели.
Бродил он аллеей другой!

Встреча

*Постоим с тобою на ветру.
Смуглая моя! Утешь сестру!*

Марина Цветаева. «Молодость»

Молодость, побудь со мною рядом,
Разговором задержу тебя.
Не смущайся под упорным взглядом,
Ремешок от сумки теребя.

Ты в короткой узенькой юбчонке,
В лодочках бордовых на ногах
Хороша! Тебе ль стоять в сторонке,
Сомневаться в собственных правах?

Ты сейчас полна желаний, силы
Проявиться, кем-то в жизни стать,
И, когда другим невыносимо,
Новый век, как пасынка, принять.

Ты меня, конечно, не узнала.
Я тебя ни в чем не упрекну,
Благодарна, что собою стала,
И уже с дороги не сверну.

Не верну назад свои ошибки,
Поиски обличья, робость слов,
Мимолетность девичьей улыбки,
Близорукость и семейный кров.

У тебя родители живые,
В голове – влюбленность и стихи,
А вокруг подруги молодые,
Никому не ведомы грехи.

Ну, беги своей судьбе навстречу,
Пусть мужчины вслед тебе глядят,
А один в закатный алый вечер
Отвести не сможет пылкий взгляд.

Музыка

Она появляется, крадучись,
Сторонним, чуть слышным, ручьем
Течет между зелени радостно
С тобою в пространстве одном.

Вначале приятна мелодия
Напевом спокойным своим,
Потом нарастает и, вроде бы,
Грозит половодьем седым.

И вот, над собою не властная,
Ты с ней в неизвестность плывешь.
Страшит полнозвучье прекрасное:
В любви навсегда пропадешь.

О чем эти стоны органные
Трубили? Хочу я понять.
И скрипок игра многогранная
Пыталась о чем-то сказать...

Возможно, то было пророчество
Грядущей моей слепоты
И ждет меня новое творчество:
Представить бывшего черты,

Поймать звуковые вибрации,
Которые мир создает,
Увидеть, как в желтой акации
Пичуга подругу зовет.

Зов

Когда тишина возникает,
Тогда обостряется слух.
Вдруг кто-то тебя окликает,
Ты ищешь глазами вокруг,

Но нет человека другого.
Зачем и кому тебя звать?
Сигнал из пространства немого
Вторично не сможешь поймать.

Приплыли далекие звуки
Под шепот дрожащей листвы.
Симфонию быта окружи
Рождают ночные шумы.

Постой, благовейно послушай
Дыханье уснувших садов.
Возможно, знакомые души
Небесный прорвали покров.

Они, в бестелесности маясь,
Нас видят и робко зовут,
И ты этой ночью, печаясь,
Оставил домашний уют.

Ведешь разговор бессловесный
С тенями, глазастой луной...
Звучит утешительной песней
Мелодия жизни иной.

Материнская душа

Херувим из поднебесья —
Материнская душа —
Улетел, и льется песня
Из Медвежьего ковша.

Жил на кухне, зорким взглядом
Отмечал дурных людей.
Он хотел со мной быть рядом,
Хрупким стражем у дверей.

По ночам стонал и охал,
Собираясь в вечный путь,
Не хватало ему окон,
Чтобы воздуха вдохнуть.

Знал, что силы убывают,
Неизбежный ждет полет.
Как же он потом узнает:
Хорошо ли дочь живет?

Я жива, а он растаял,
Бестелесный Херувим.
Все сильнее манят дали,
Где, возможно, встречусь с ним.

Улыбнись

Улыбнись мне, человек!
Разве нужен повод?
Солнце светит без помех,
Ни война, ни голод...

Прыгают с «тарзанки» в пруд
Голые мальчишки,
Крики, визги вдаль несут
Радости излишки.

Так и хочется взлетать,
На ветвях качаться,
Ни о чем не размышлять,
Без причин смеяться!

Пахнет скошенной травой
И песком нагретым,
Как когда-то, дорогой,
Нашим чудным летом.

Улыбнись, смотри – иду
Тихою походкой,
У ромашек на виду,
Этакой молодкой.

Общий мы язык найдем
Там, среди мальчишек.
Полыхай, гори огнем
Возраста излишек!

Возраст

Кто эта девочка с тонкою челкой?
Кто эта девушка в юбке короткой?
Кто эта женщина в кожаной куртке?
Кто эта бабушка с черной собакой?

Пристально смотрит девочка с челкой.
Девушка смотрит с привычным кокетством.
Смотрит печально женщина в куртке.
Под ноги смотрит старая дама.
Где эта девочка? В водах глубоких,
В травах высоких навек затерялась.

Где эта девушка? Шла по дорогам
Пылких желаний и заблудилась.
Где эта женщина? Робко стучалась
В двери закрытые и постарела.
Старая женщина ходит и ищет
Тех, кто уже не вернется назад.

Свежие запахи ветер разносит.
День обещает быть теплым и щедрым.
Гонит весна кровь живее по жилам.
Люди спешат по делам неотложным
Мимо старушки с тонкою челкой,

В юбке короткой и кожаной куртке...

На воздушях

Проснулась бабушкой, и вот,
Смотрю на все как будто сверху,
Как будто сверху, где из веток
Сам ветер гнезда птицам вьет,

Где неустойчиво легки
И странны все перемещения,
И глаз рассеянных движенье,
С земли идущие звонки...

«Воздуси» называют этот,
Включенный в старость, детский пазл.
Попав сюда, нельзя упасть,
Но можно приземлиться где-то...

Неважно где. Я – невесома,
Бесцельна. Волею чужой
Летаю, кажется порой
Мой разум словно окольцован.

Болезнь напавшая – виною?
Фантазии былых ночей?
Свободный нежный и ничей

Играет ветерок со мною.

Плывут на север острова,
В пути меняя очертанья,
Под ними – городские здания,
Вверху – сплошная синева!

Как-то раз Анята...

Сверхкраткие рассказы

На эскалаторе

Как-то раз Анята поднималась в московском метро по эскалатору. Была она молода и стеснительна. Впереди, выше на ступеньку, стоял мужчина примерно сорокалетнего возраста. Он несколько раз оборачивался и внимательно смотрел на Аню. Она заволновалась, взглянула на свою одежду: вроде все в порядке. «Что ему надо?» – встревожилась девушка. Нахмурилась и приняла неприступный вид.

Когда лента эскалатора почти добралась до верха, мужчина решительно обернулся назад и протянул Ане шикарный букет цветов: «Возьмите пожалуйста!». «Нет, нет, что вы!» – стала испуганно отказываться она. «Пусть ваша жизнь будет красивой!» – произнес незнакомец. У него было печальное лицо и пепельные волосы с сединой. В глазах стояли слезы. Анята взяла протянутый букет и поехала дальше.

Все произошло так быстро, что она от растерянности не успела поблагодарить или как-то приободрить мужчину. Успокоила мысль, что дарителю стало легче без невостребованного букета.

Любопытство

Как-то раз Анята возвращалась домой на поздней электричке. В вагоне ехало несколько человек.

Занятия в театральной студии начинались вечером после работы. Девушка возвращалась домой ближе к полуночи. Чтобы в дороге не скучать, читала. Книга была занятная, и Аня с трудом сдерживала смех. Чуть не проехала свою станцию!

Когда выскочила на платформу и огляделась, то увидела, что попутчиц нет. На станции нового района электрички останавливались редко, и днем-то народу сходило мало. В пяти минутах быстрой ходьбы на возвышенности по светящимся редким окнам угадывалась громада ее дома. Это было первое заселенное здание на стройке.

В ноябре ночи особенно непроглядные, без фонарей приходится двигаться тропинкой наощупь. Прежде всего надо было преодолеть овраг между платформой и домом. Аня трусцой побежала, опасаясь поскользнуться на глинистой почве. На середине оврага, она в тишине услышала шаги бегущего сзади человека. Прибавила ходу. «Преследователь» не отставал. Тогда Анята замедлила шаг: «Пусть обгонит». Но, когда человек подошел близко, она не выдержала и обернулась. Прямо перед ней возник молодой мужчина небольшого роста с черной бородкой и... медленно прошел мимо.

Аня с облегчением вздохнула и собралась продолжить путь. Тут мужчина развернулся и направился к ней. Они встали друг напротив друга. Кругом ни души. «Кричи, не кричи, – подумала Аня, – бесполезно!» Она отнюдь не спортсменка, в руках легкая тканевая самодельная сумочка.

«Скажите, пожалуйста, – спросил он, – какую веселую книгу вы читали?» «Мартти Ларни. “Четвертый позвонок”», – промолвила ошарашенная Аня. «Спасибо!» – вежливо поблагодарил книголюб и не спеша пошел вперед к новому дому. Девушка отдышалась и следом стала подниматься из оврага.

У Пушкина

Как-то раз Аня с подругой Таней шла к Дому-музею А. С. Пушкина в Михайловском. Они отдыхали недалеко от заповедника на турбазе в поселке Пушкинские Горы и часами гуляли по памятным местам.

Девушки, спускаясь с широкого косогора, издали увидели пасущихся лошадей. Москвички залюбовались пейзажем: домишки деревни, безлюдье, кони на зеленой траве... Идиллия. Вдруг одна из лошадей заинтересовалась одинокими спутницами и резво поскакала к ним.

Подруги, как загипнотизированные, остановились. Когда лошадь приблизилась, они увидели, что это здоровый конь, на ноге которого болтается обрывок цепи. Аня легкомыс-

ленно решила, что конь хочет пообщаться с людьми, и ласково с ним заговорила. Конь надвинулся на туристку, неожиданно встал на дыбы и заржал. Над Анютой нависла грозная фигура коня с мощными копытами и жутким оскалом. Ужас сковал девушку. Слава Богу, подруга не растерялась. Она успела за секунду сорвать какие-то прутьики у дороги и кинулась наперерез вздыбившемуся коню. Таня, высоко подняв руки, стала махать перед мордой лошади веточками. Она крикнула подруге: «Беги!» Та очнулась и сиганула через плетень в огород.

Конь опустил копыта на землю. Девушки огородами побежали в лес, а животное не стало преодолевать изгороди.

Нюта недоумевала: что жеребцу было надо от людей? Бывает ли лошадиное бешенство? Откуда Таня знает, как остановить лошадь? Подруга отвечала, что никогда раньше ничего подобного не делала и не знала о таком способе.

После происшествия Анюта отчетливо представила себя бедным Евгением из поэмы Пушкина «Медный всадник». Со стороны ее встреча с конем (но без всадника) напомнила иллюстрацию из книги Александра Сергеевича. Угроза погибнуть под копытами разъяренного коня показалось реальной! Анюта побежала в кусты по причине медвежьей болезни.

Шуба

Как-то раз Анята в начале девяностых годов прошлого века поехала в Москву на рынок покупать шубу. Накопила денег и решила, что теперь может себе позволить натуральную шубу. Взяла с собой для совета подругу.

Денег хватало только на шубу из меха нутрии или козлика. Козлик выглядел симпатичнее. Подруга одобрила.

Когда Аня дома померила шубу снова, то оказалась, что она ей велика на два размера.

Неугомонная девушка приняла опрометчивое решение. Она рассуждала так: «Завтра воскресенье. У станции городка разместится стихийный рынок. Я продам здесь шубу, а в следующие выходные в Москве куплю новую». Было начало весны. Шубы продавались со скидками. Анята работала в Москве в частном рекламном агентстве и чувствовала себя продвинутым в коммерции человеком.

Утром поспешила на рынок. Встала с шубой на руках в общий ряд торговок. Людям не платили зарплату, многие остались без работы и несли на рынок, что могли.

Время шло, а покупателей на шубу среди безденежных людей не находилось. Девушка думала уходить, когда к ней подошла молодая пара лет тридцати. Они заинтересовались шубой. Покупательница была в норковом полужубке, молодой человек в модном полупальто. Выглядели они на этом

бедном рынке как иностранцы. Они сказали Ане, что ничего подобного ее товару не нашли. «Маме очень нужна шуба, – поведала девушка с приветливым лицом, – Она часто ездит к нам в Москву на поезде, а дорогой очень холодно. Боюсь, что мама заболеет. Сколько стоит ваша шуба?»

Анюта назвала цену. Покупатели не стали торговаться, но сказали, что, к сожалению, рублей у них нет. Есть бельгийские франки. «Я знаю курс доллара США, а франков не знаю, – засомневалась Аня, – Да, и где я их обменяю на рубли или доллары США?» – «Поверьте нам, мы знаем, что курс бельгийского франка немного ниже доллара, поэтому мы вам заплатим больше. Вы спокойно обменяете их в ГУМЕ», – убедительно сказала приветливая девушка. Она даже пересчитала на калькуляторе цену рублевой шубы на цену в бельгийских франках.

Покупатели были вежливые, симпатичные, славянской внешности. Благополучные люди с рекламы. Хозяйка шубы согласилась и взяла незнакомую валюту.

Назавтра с утра, до работы, Анюта рванула в ГУМ и обменяла франки. Вечером девушка закрылась в своей комнате и горько плакала над любимым шоколадным тортом «Прага». Всех денег, вырученных за шубу, хватило лишь на покупку торта. Он не смог подсластить ее разочарование в себе и в людях.

Прогулка

Как-то раз Аня гуляла за городом с ризеншнауцером Урлисом. Пес принадлежал ее подруге, но по выходным его выгуливала Аня: зимой – на лыжах, летом – на велосипеде и в поле. Погода была по-летнему теплой, безветренной, они шли по тропе заросшего луга, и тут Аня увидела, что от перелеска к ним спешит какая-то женщина. Когда она подошла, то попросила разрешения присоединиться к девушке и вместе дойти до городских домов. Женщина была с дочерью-подростком. Они опасались странного парня, который пристал к ним в лесу.

Анята, благодаря Урлису, не боялась гулять одна. Пес был сильный, обучен на охрану и защиту. Обычно, один вид его заставлял людей вести себя осторожно, и она легко согласилась вместе идти в город.

Вскоре женщин с ребенком нагнал на лугу молодой человек. Он хорошо держался на ногах, не было характерного запаха алкоголя, а наркоманов Аня никогда не встречала. Все же мужчина был явно не в себе. Он стал намеренно дразнить пса, пытался ударить его ногой. Анята взяла Урлиса на строгий с шипами ошейник и попросила хулигана оставить их. Но не тут-то было! Он, потеряв интерес к женщинам, стал провоцировать нападение собаки. Ур-лис рвался с поводка, лаял на незнакомца.

Парень все время держал одну руку в кармане. «Что делать? – думала женщина, – отпустить пса? Вдруг я не смогу его оттащить и он загрызет обидчика? Может быть, в кармане у парня нож или какой-нибудь “травматик”? Тогда он покалечит чужого пса, и нам не поздоровится».

Попутчица обнаружила, что потеряла золотую сережку, и сказала, что возвращается ее искать. Для матери и дочери опасность миновала, так как хулиган теперь не отставал от собаки.

Аня продолжала уговаривать парня, укрощать пса и медленно продвигаться к городу. Уже близко была улица, по которой двигались автомобили. «Там спасение, – решила Аня, – он побоится напасть на людей. Кто-нибудь, надеюсь, вмешается».

Нападавший увидел, что они с псом от него уходят, схватил с земли большой камень и кинул в Аню. Чуть не попал ей в голову. Как ни старалась она убежать, тридцатипятикилограммовый пес тянул ее назад к обидчику.

Стало понятно, что им без травм не уйти: камней рядом много. Тогда Аня остановилась, развернулась лицом к врагу и закричала ему: «Кидай! Давай! Убей!» Грозилась, что он сядет в тюрьму, что будет жалеть о случившемся, когда очнется, что пес потом разорвет его... И что-то еще.

Парень неожиданно опустился на землю и обхватил голову руками. Аня вернулась домой, удивляясь себе самой: оказывается, она умеет кричать и угрожать!

Ключ

Как-то раз Анята пришла полить цветы в квартиру брата. Он уехал в отпуск и попросил ее позаботиться о цветах. Брат предупредил, что открывать входную дверь надо, поворачивая ключ в обратную сторону. Сестра благополучно проникла в квартиру, полила цветы.

Уходя, она то ли задумалась и не заметила, как вставила ключ, то ли вставила правильно, но повернула не в ту сторону? Короче, ключ застрял. Возилась с ним целый час, замок не поддавался. Ни вытащить, ни повернуть ключ! Дверь тяжелая металлическая, замок с несколькими штырями.

Наступил поздний вечер. Обратиться за помощью было не к кому. Соседей Анна не знала и мобильника еще не имела. Отойти от злополучной двери боялась. Вдруг в ее отсутствие кто-нибудь справится с ключом и совершит кражу! Устала, села на корточки под дверью. Если подъезжал лифт, то она вставала и делала вид, что открывает квартиру. Сама уже и не пыталась справиться с дверью.

Наконец, вспомнила, что в соседнем доме живет знакомая женщина, и решила пойти к ней посоветоваться, оставив на полутемной лестничной клетке торчащий в двери ключ.

Знакомая усадила Анну пить чай, успокоила и предложила погадать ей «на ключ». Хозяйка часто гадала на картах, верила им. Отчаявшаяся гостя согласилась. Дама разложи-

ла карты и говорит: «Ты откроешь дверь сама!» – «Как?! – воскликнула Анюта, – Все бесполезно! У меня уже нет сил». – «Вот тебе длинный гвоздь. Продень его в ключ и поверни в любую сторону». Женщина с недоверием посмотрела на огромный ржавый гвоздь, который где-то разыскала хозяйка.

Приятельница решительно выпроводила Анну за дверь.

В чужом подъезде Анюта всунула в круглое отверстие ключа гвоздь и, повернув его как рычаг, легко вытащила ключ! При этом дверь квартиры оказалась закрытой.

Несмотря на полночь, радостная женщина помчалась назад к спасительнице с благодарными и восторженными словами. Вот не верь после этого картам!

Помощник

Как-то раз Анюта ночью шла домой. Она не стала сокращать дорогу по скверу, а решила идти освещенной центральной улицей города. Говорили, что в сквере, расположенном по пути со станции, недавно убили студентку.

На перекрестке стоял одинокий мужчина в белой куртке. «Наверное, встречает жену с электрички», – подумала Аня, проходя мимо, но незнакомец обратился к ней: «Разрешите вас проводить?» Это был высокий человек лет двадцати-двадцати пяти. На безлюдной улице женщине ничего не оставалось, как согласиться, и не показывать страха. «Пожалуй-

ста», – вежливо ответила она и поспешила дальше.

«Дайте, я понесу ваши сумки», – не отставал парень. Анята отдала ему пакет с продуктами, а сумочку, в которой была зарплата, оставила при себе. «А сумочка?» – протянул руку провожатый. «Она легкая», – возразила Анна с надеждой, что ей удастся сохранить деньги.

По улице проезжали редкие машины. Женщина обреченно шла вперед в тревожном молчании. «Надо его как-то разговорить. Он расслабится, отвлечется и нападать ему будет сложнее», – решила Анна.

«Кем вы работаете?» – начала она беседу. – «Никем». – «Где же вы учитесь?» – «Нигде». – «Чем же вы занимаетесь?» – «Я занимаюсь борьбой, силовыми упражнениями», – с гордостью ответил спутник.

«Боже мой, бандит!», – мелькнуло в голове у женщины. В советские времена среди ее знакомых не было безработных. Разговор не получился.

К счастью, показался родной дом. Анна прибавила шагу и остановилась у подъезда. «До свидания, дальше не пойдем. Меня ждет муж», – соврала она парню, прижимая к себе сумочку. На самом деле, она опасалась заходить с незнакомцем в пустой подъезд.

«Вам было со мной не страшно? Я вам помог?» – спросил он, возвращая пакет женщине. «Конечно. Спасибо», – пролепетала Анята, не веря своим ушам, и ринулась в подъезд.

Оказывается, рыцари выходят к людям по ночам!

Без трансфера

Как-то раз Аня полетела с подругой Ниной в паломническую поездку в Лондон.

Подруги вышли на пенсию и решили отметить это событие путешествием в Англию. Обе совершенно не знали английского языка и надеялись на сопровождающих группы.

По вине менеджера турфирмы им были заказаны обратные билеты из аэропорта Гатвик, тогда как остальная группа возвращалась в Москву из аэропорта Хитроу. Организаторы тура отказались предоставить Анне и Нине оплаченный трансфер из гостиницы до аэропорта, предложив новоиспеченным пенсионеркам добираться самостоятельно.

Женщины с вещами приехали на автовокзал в Лондоне и должны были сесть на экспресс до Гатвика. Тут мнения подруг разделились: Анна хотела идти покупать билеты к поездным кассам, где висели большие транспаранты с названием их аэропорта, Нина же настаивала на автоэкспрессе. Анна боялась остаться одна в чужой стране и уступила более опытной напарнице. Тем более, что у Нины был мобильный интернет и она могла иногда общаться с англичанами, используя переводчик.

Туристки долго искали нужную кассу автоэкспресса. Кассирша, продававшая билеты на автобус до Гатвика, что-то настойчиво им говорила, но у Нины пропала связь с интер-

нетом и женщины ничего не поняли.

Когда подруги ехали на автоэкспрессе, Анне стала догадываться, о чем их предупреждала англичанка. Автобус шел с остановками, водитель впускал новых пассажиров. Они долго ехали на малой скорости по Лондону и пригородам. На самолет паломницы сильно опаздывали. Обсудили ситуацию и опять разошлись во мнении. Нина предлагала молиться, чтобы задержали рейс. Анна считала, что это неэтично по отношению к другим людям и бойкотировала совместную молитву.

Видя волнение женщин, один из пассажиров автобуса стал ругаться с водителем. Он показал Аняте жестами, что просит водителя ехать быстрее и не болтать по дороге с пассажирами. На конечной остановке этот же мужчина подошел к ней и при помощи понятных слов и жестов объяснил, что хочет им помочь. До вылета самолета на Москву оставались минуты. Иностранец подхватил Анину дорожную сумку, и они побежали в здание аэровокзала. Физически нетренированная Нина с вещами стала отставать. Тогда англичанин взял еще сумку подруги. По пути выяснилось, что неожиданный помощник по происхождению поляк, поэтому понял русскую речь в автобусе. Он оставил свои вещи у товарища и вместе с женщинами стал искать посадку на самолет Аэрофлота. Втроем они бегали от одной стойке регистрации к другой, с этажа на этаж. Когда нашли место Аэрофлота, но там уже никого не было!

Поляк стал обращаться с просьбами к служащим аэропорта и к секьюрити, чтобы они пропустили туристок к самолету, но посадка уже закончилась, и никто не хотел нарушать порядок. Тогда добрый провожатый уговорил сотрудников чужой авиакомпании связаться по телефону с Аэрофлотом, потом попрощался с подругами и поспешил на свой самолет. Жестами показал, что больше ничего для туристок сделать не может. Анна взяла телефонную трубку и, наконец, услышала на том конце провода русскую речь!

Дальнейший путь домой не имеет отношения к истории человеческого бескорыстия. Анята пожалела о том, что не смогла спросить имени чуткого человека, выручившего бестолковых женщин.

Физи́чка

Как-то раз Анята зашла в фотоателье, чтобы напечатать фотографии. Там находилась молодая посетительница с ярко накрашенными губами и длинными наведенными стрелками у глаз. Она пропустила женщину вперед, так как до этого просто болтала о чем-то с фотографом. Когда парень стал распечатывать Анины фотографии, то она пожаловалась парню, что новые и чужие флеш-карты не открываются на ее ноутбуке. Не знает ли он, в чем причина? Парень ответил: «Я в этом не разбираюсь, но, по-моему, дело в ноутбуке».

Тут в разговор вступила стоявшая рядом девушка. «Надо перенастроить ноутбук. Попросите кого-нибудь из знакомых». – «Нет у меня таких знакомых, – с грустью сказала Аня, – А приглашенным мастерам я не доверяю. С подруги такой мастер взял десять тысяч. Причем о цене сообщил, уже сделав работу. Это почти вся моя пенсия». – «Поезжайте на компьютерный рынок, там объясните проблему и вам настройт. Возможно, надо установить другую версию Windows», – посоветовала девушка. Анна в сомнении покачала головой. Представила огромный рынок, черноголовых бойких продавцов, к которым она будет приставать со своей просьбой, а затем оставит свой ноутбук в чужих руках.

Тогда активная девушка посмотрела в свой кошелек и сказала: «У меня сейчас мало денег. Пойдемте со мной в ближайший банкомат, я сниму для вас несколько тысяч и дам для ремонта ноутбука». – «Я вас не знаю, и мне неудобно брать в долг», – промолвила в недоумении Аня, мысленно сомневаясь, что пойдет на такой расход. – «Никого долга! Я просто отдаю». – «Не возьму!».

Неожиданно настойчивая девушка достала из кошелька тысячу рублей и положила на стол приемщика ателье: «Хотя бы мастера вызовите домой! С собой больше нет». Она решительно направилась к выходу.

Анна бросилась с купюрой следом: «Возьмите назад! Зачем вы так?». Про себя она подумала: «Наверное, больная: раздает деньги направо и налево. Нельзя обижать». Девушка

сказала: «Вы не понимаете, я живу по теории распространения добра. Ко мне вернется больше, чем я отдаю, уже проверено. Мне надо отдать!».

Эксцентричная девица попыталась кратко рассказать об этой теории, сыпала физическими терминами, упоминала имя известного физика и какую-то дугу... У Анюты помутилось в голове. Она поняла только одно, что девушка денег не возьмет, и спросила: «Что я могу для вас сделать?» – «Помолитесь». – «Как зовут?» – «Анна». Она ушла.

Обескураженная женщина вернулась к сотруднику ателье за готовыми фотографиями. «Что это было? Вы ее знаете? Она нормальная?» – спросила фотографа. – «Да, она приходит к нам заказывать фотографии. Физик. Работает в Физтехе. Больше ничего не знаю», – ответил он.

Жизнь полна непредсказуемых встреч. Аня, вспоминая их, решила, что ей повезло: чаще попадались добрые люди! Кстати, программу в ноутбуке она обновила и о тезде помолилась.

Николай Пятков

г. Москва

Жил в Германии, Белоруссии, Сахалине и Южном Урале, работал на заводе, служил в армии. Окончил МГИМО, скандинавист. Работал в МИД в посольствах в Стокгольме и Рейкьявике. Публиковал статьи в специализированных журналах для любителей рыбалки по тематике сбережения природы и организации любительского рыболовства.

Из интервью с автором:

Увлечения: литература, история, искусство, театр; природа, рыбалка, ранее – охота. Пишу (в стол) рассказы автобиографического характера, мемуарные записки, больше из детства, но и о моей прошлой работе.

© Пятков Н., 2020

Июньский снег

Папа пришел вечером домой и объявил нам, что завтра в субботу после его работы мы едем на рыбалку с ночевой. Мы с братом закричали «ура!» и сразу же начали готовиться. Снасти папа всегда содержал в полном порядке, так что нам оставалось только добыть червей, для чего мы перекопали во дворе нашего дома полосу земли вдоль дощатого забора, за которым возвышались элеваторные постройки.

Мы любили бывать с папой и на рыбалке, и на охоте. Он – страстный охотник и рыбак, знал массу интереснейших ве-

щей о зверях, о рыбах, о птицах, учил нас распознавать деревья и травы, показывал, как надо разжигать костер, устраиваться на ночлег в поле, ориентироваться в лесу, проходить, не боясь, большие расстояния, терпеть холод и жару, предсказывать погоду и никогда не ставил задачи превращения наших вылазок на природу в промысел. Хотя без достойной добычи мы редко когда возвращались.

И вот в субботу после папиной работы мы на перекладных выбрались за город, ушли полем от нагретого и пахнувшего машинами шоссе в сторону обозначенной полосой мелкоколосья пока еще невидимой реки, и вскоре уже шагали вдоль ее высокого и извилистого берега. Погода была прекрасная и, несмотря на то что время близилось к вечеру, жаркое солнце висело еще высоко – завершалась вторая половина июня. Папа сказал нам, что он знает одно очень хорошее место, где мы остановимся и разобьем наш рыбацкий лагерь. И, действительно, через пару километров мы вышли к спускавшемуся с поля оврагу, по дну которого, укрывшись кустарником и бурным разнотравьем, протекал ручей, который в месте своего впадения в реку образовывал достаточно широкое – метра в три – устье.

«Вот здесь мы будем рыбачить и ночевать!» – сказал нам папа. Мы были в восторге от места нашего привала и уже хотели сбегать с кручи берега к реке, как он остановил нас и спросил, видим ли мы отсюда рыбу в ручье? Мы присмотрелись – ух ты! – все желтое песчаное дно мелководного устья

было как будто усеяно черными палочками, которые не стояли на месте, а все время дружно передвигались во все направления. «Это пескари, — объяснил нам папа, — зашли к вечеру в ручей тоже, видно, для ночевки». И, видя наше нетерпение, засмеялся: «Конечно, половим и пескарей! Ведь сегодня на ужин будем варить на костре настоящую рыбацкую уху. Лук, морковь, картошка, соль — все у нас есть. Вот только еще к этому пескариков, окуньков да ершей натаскаем. Замечательная будет уха!».

Но пескарики оказались не такими уж простаками! Стоило только нам с удочками, снаряженными червяками, начать приближаться к ручью, стая дружно уходила в сторону реки и исчезла в темной глубине. Как только мы отходили от ручья, они также дружно возвращались назад. И так несколько раз. Но наконец мы, прикрываясь кустами, приноровились и все же выловили с десятков пятнистых пескарей, а затем все вместе переключились на ловлю в самой реке шершавых окуней, серебряной плотвички и колючих ершей.

Так за увлекательным и приносящим удовольствие особенно нам, мальчишкам, ужением этой речной разнорыбницы мы и не заметили, как прошло время и солнце нехотя поползло по верхушкам потемневшего дальнего леса.

«Все, — сказал папа, — на сегодня хватит! Завтра будет день, будет новая рыбалка. А сейчас будем варить уху и готовиться к ночлегу. Мы же рыбаки, а потому поднимаемся рано утром!»

Уха у нас получилась вкуснейшая! А какой же еще она должна была быть, сваренная в выдавшем виды армейском котелке, на берегу реки, с запахом костра и малиновыми искрами, исчезающими в темно-синем небе?

Было уже около полуночи, но спать нам не хотелось, костер еще и не думал затухать, а потому мы, уютно устроившись на разостланной у костра папиной плащ-палатке и прижавшись к нему, слушали рассказы о его детстве в деревне, о том, как он еще мальчишкой с раннего утра трудился в поле на пахоте, а потом бежал с друзьями к речке, где ловил на живца щук и нашаривал под камнями раков.

Короткая июньская ночь все-таки наступила, и над потрескивающим костром навис купол чернильной темноты. Но стоило только отвернуться от огня, взглядеться, и темнота пропадала, а в мягкой серости фиолетовой ночи начинали проступать очертания берега над рекой, ближайших кустов и даже были видны вспыхивающие над лесом полосы с неохотой провалившегося за горизонт солнца. И все никак не могли утомиться в поле перепела, настойчиво уговаривающие нас немедленно ложиться спать.

«Слышите?» – спрашивал папа. И, действительно, в перепелиных криках мы с удивлением слышали именно это: «Спать пора! Спать пора!» Над головами то и дело с характерным посвистом пролетали табунки запоздавших и невидимых уток, с шумом садившихся где-то рядом на воду. «Ну до осени, – говорил папа, всматриваясь в темное небо, – по-

дождем до осени, а там поедем и на охоту!»

Мы уже были готовы закончить наши поздние посиделки, как вдруг случилось чудо. Из сгустившейся темноты на наши головы и на костер полетели белые хлопья. Сначала они были единичные, но с каждой секундой их становилось все больше и больше, и вот уже начался настоящий снегопад. Причем снег этот валил так сильно, что иногда казалось, что поднялась настоящая зимняя метель. Особенно впечатляюще выглядело то, что происходило над пламенем костра: снежинки не таяли, а десятками и сотнями вспыхивали, потрескивая, и падали искрами в огонь. Изумлению нашему не было предела. «Что это? – закричали мы, – снег?» Папа махнул рукой перед собой и, раскрыв ладонь, показал нам пойманную «снежинку». Мы увидели небольшое в полтора сантиметра насекомое с беловато-прозрачными крылышками в неброскую крапинку, выгнутым тонким тельцем, завершающимся двумя длинными усиками-хвостами. «Подёнка, – папа перевернул ее пальцем и пояснил, – это такая однодневная бабочка, которая рождается в конце дня к вечеру, живет несколько часов, успевает произвести на свет потомство и к утру погибает. Свет костра ее привлекает, вот она сюда и летит, на огонь, и сгорает! Ее иногда еще называют подёнка-метелица. Видите, какую метель она нам устроила в июне?» Мы, пораженные происходящим, слушали его рассказ о короткой жизни этой бабочки, смахивали с одежды валяющиеся сверху «снежинки», протягивали ладони, на ко-

торые тут же попадали десятки удивительных и по-своему красивых насекомых, рассматривали их и нам было ужасно жалко, что они вот уже скоро и умрут, не успев как следует пожить в этом чудесном мире, в котором так много интересного. Мы не могли нашими детскими сердцами согласиться с этой чудовищной несправедливостью и начали наперебой предлагать всякие способы по спасению подёнки, но папа, улыбнувшись и потрепав нас по головам, сказал, что нет, мол, ребята, это тоже жизнь, а она бывает очень и очень разной. «Так устроено! Всем отведено свое время на этом свете», – добавил он, почему-то вздохнул при этом и подбросил в костер сухих сучьев. Костер затрещал, выбросив сноп искр навстречу падающим в огонь подёнкам. Мы замолчали, думая каждый о своем.

«Вот вы лучше послушайте, – отвлекая нас от тяжких дум о судьбе подёнки, сказал папа, повернув голову в сторону реки. – Слышите, что на реке творится?» И, действительно, оттуда, с невидимой от костра в ночи реки слышались всплески, хлюпанья, шлепки – как будто по воде ходил или плавал какой-то большой зверь или огромная рыба, причем эти звуки доносились и слева и справа. «Ничего себе! – удивленно протянули мы с братом, – а кто это там?». «Это рыба кормится упавшей в воду подёнкой, – пояснил папа, вслушиваясь в темноту. – Вот, это ударил язь, вот опять язь, слышите? А это вот лещ зачмокал... Не спят... Никто нынче в реке не спит и, видимо, до утра спать не будет. Сегодня у них боль-

шой праздник! Вылет подёнки. Такое ведь не каждый день и не каждую ночь бывает, да и не каждый год можно наблюдать столь обильный ее урожай». И, поворотив обоженным концом палки горящие угли в костре, что опять выбросило в темноту неба рой искр, добавил, что нам всем в эту июньскую ночь очень повезло увидеть это нечастое и завораживающее зрелище.

Увлеченные рассматриванием падающих на нас бабочек-однодневок, мы забыли о том, что происходит вокруг. Обернувшись, мы как бы раздвинули черноту окружающего нас над костром купола и огляделись. К этому времени короткая летняя ночь уже начала сменяться зарождающимся на востоке рассветом. И то, что мы увидели в светлеющей мгле скорого утра, было невероятно! Все вокруг – траву, кусты, песчаный берег и даже воду – покрывали белесые пятна «снега». Подёнка лежала повсюду: где-то пореже, где-то – особенно ближе к воде – погуще. Рыба продолжала пиршествовать...

Но скоро мы заметили, что снегопад пошел на убыль. «Снег» падал все реже и реже. Вот уже начали пролетать только одиночные «снежинки», а вот через некоторое время исчезли и они. Июньская «метель» закончилась, продлившись около получаса...

Мы долго еще не могли уснуть, возбужденно обсуждая то, что нам довелось увидеть. Но сон все-таки взял свое и, накрывшись все той же плащ-палаткой и прижавшись к папе,

мы – под потрескивание затухавшего костра и продолжающегося шума на реке – уснули тем крепким сном, которым можно спать только в детстве...

Не знаю, спал ли сам папа, но он разбудил нас, когда раннее летнее солнце уже вовсю слепило глаза тем утренним белым светом, которого днем не увидишь. Костер потух, лишь отдельные угли, сохранившие форму сгоревших сучьев, еще продолжали дымиться, причудливо меняя свой цвет от черного до белого и обратно. На реке было тихо. Мы побежали к воде умываться и увидели, что «снег» из подёнки еще сохранялся в складках берегового песка, виднелся в траве. Но ночного плотного «снежного» покрова уже не было, а оставшиеся его клоки под слепящим утренним солнцем уже не казались такими белыми, какими виделись нам ночью. Сейчас они посерели, сбились в мокрые, грязные и непривлекательные комки. Было даже трудно представить, что они слеплены из той бесчисленной белой бабочки-подёнки, что завораживала нас своим «снегопадом» прошедшей ночью.

Мы вновь раздули огонь в костре, вскипятили чаю, перекусили, а потом приступили к рыбалке. Но клев, несмотря на прекрасное июньское утро, предвещающее жаркий летний день, был очень вялым, а иногда и вовсе пропал.

«Да, – ближе к полудню сказал папа, поглядывая на высоко поднявшееся солнце, – подёнка устроила нынче праздник речным обитателям, а вот, нам, рыбакам, рыбалку-то испортила! Сыта рыба, не желает брать нашу наживку. Давай-

те-ка, сыны, будем собираться домой».

Нам, конечно, хотелось еще немного побыть на реке, но поскольку на разгоравшемся солнцепеке после короткого сна прошедшей ночи мы с братом дружно, в отличие от сытой рыбы, клевали носами, то не стали особенно возражать и принялись послушно собирать нашу нехитрую рыбацкую поклажу. И только сейчас, когда заливали догоревший костер и сворачивали бамбуковые удочки, обратили внимание на то, что к этому времени вокруг нас вообще не осталось ни малейшего следа от того, что мы пережили ночью. «Июньский снег» исчез без следа. «Вот и птицы голодными не остались. Так что все должны быть довольны подёнкой: и рыба, и птицы, и мы! Хотя бы за то, что довелось нам увидеть это чудо – «снег» в июне. А рыбы мы с вами еще наловим! Какие наши годы! А за нее, подёнку-то, не переживайте, она после себя большое потомство оставила. Посмотрим, что из него получится на будущий год!», – подвел итог папа. И мы, попрощавшись с рекой и приютившим нас на ночь гостеприимным ее берегом, отправились домой, где нас уже ждала мама, которой нам не терпелось рассказать о чудесах прошедшей ночи.

Много лет прошло с тех пор и много интересного мне случалось повидать за все то время, которое я провел в своих рыбацких походах или просто для отдыха бывая за городом. Не раз доводилось мне наблюдать впечатляющие по массовости вылеты майского жука, пробиваться через смерчевид-

ные столбы роящейся мошки, попадать в такие полчища комаров, что и дышать было трудно – забивали нос и рот, и с трудом вести светлым днем машину, чуть ли не ежеминутно останавливая ее, чтобы протирать лобовое стекло от разбивающихся об него сотен белых бабочек-боярышниц, мечущихся над нагретым шоссе, да мало ли еще какие сюрпризы, что преподносит нам щедрая на выдумки природа, встречал я на этом пути. Но никогда больше я не попадал в столь невероятный по своей красоте, неожиданности и даже драматизму «июньский снегопад», который устроила в ту далекую ночь моего детства своим вылетом и короткой жизнью маленькая бабочка-подёнка.

Варнак

Как и когда он появился у нас в доме, я не совсем точно помню. Скорее всего, кто-то из нас – то ли моя младшая сестра, то ли старший брат, но точно не я – подобрал на улице этого щенка, принес его домой и он стал жить в нашей квартире. По-моему, и родители не возражали против нового жильца, хотя мы вшестером, включая жившую у нас бабушку, мамину маму, теснились в хрущевской двушке с крошечной кухней. Белый, с черными несимметричными пятнами на спине и мордашке щенок был, как и все малыши, симпатичным, чрезвычайно активным и вызывал умиление своими детскими шалостями. Правда, некоторые его впол-

не ожидаемые от растущего организма поступки и даже безобразия озадачивали всех нас, но не бабушку, которая, собственно, и вела в доме большую часть хозяйства, кухарничая и поддерживая чистоту в квартире. Бабушка наша была деревенской и за долгую жизнь в собственном доме в деревне вырастила и воспитала в надлежащем духе не одну собаку, причем применяла свои педагогические методы, полностью исключавшие физическое наказание, а только лишь разговаривая с ними, причем всегда спокойным и совсем не командным тоном. И ее четвероногие воспитанники, в основном «дворянского» сословия, ценили такой подход и были куда как умнее, покладистее и в то же время строго радеющими за безопасность вверенного им дома, чем те породистые охотничьи красавцы, которых держал ее сын, а мой дядя Ваня. Так что и сейчас она добровольно взяла на себя эти обязанности, тем более, что все остальные, большую часть времени в течение дня дома отсутствовали – кто на работе, кто в школе. И, действительно, скоро все стало налаживаться: щенок стал понимать, где ему спать, где есть, а где и все прочее.

Подрастая, он умнел и понимал все выгоды от правильного поведения в большой семье. Единственное, с чем не могла справиться при его воспитании ни бабушка, ни мы – это его развивающаяся некоторая грозность по отношению к тем, кто не числился в списочном составе нашей семьи. Он поначалу смешил нас тем, что щенячьим лаем встречал каждого,

кто заглядывал к нам в гости, но, потом, когда к этому лаю добавлялись попытки цапнуть пока еще не окрепшими, но уже острыми зубами визитера за штанину или ногу, мы поняли, что имеем дело с серьезной собакой и поэтому чуть ли не с первых его дней у нас – полусерьезно-полушутливо – дали ему кличку Грозный. Так она за ним и осталась, а он ее своим боевым настроением со временем только лишь укрепил. Правда, у него было еще одно неформальное имя – Варнак, с ударением на втором слоге. Так в Сибири в старые времена называли каторжников или беглых. Но постепенно это слово перекочевало в разговорную, чаще, деревенскую речь и приобрело другой, порой шутливый и даже ласковый характер – ну, это как, например, поглаживая по голове расшалившегося ребенка, сказать ему: «ах и негодник же ты!». Варнак было любимым словом бабушки, вся жизненная биография которой уместилась между сибирскими реками Иртышом и Тоболом. Мы часто слышали его от нее, когда в детстве, приезжая на лето в большое сибирское село, всей оравой внуков и внучек, проснувшись, собирались за утренним столом, чтобы, наевшись горячих сибирских шанег с творогом и сметаной, которые бабушка доставала деревянной лопатой из занимавшей пол-кухни русской печи, и, напившись молока утренней дойки, бежать босиком по мягкой пыли через улицу и вниз по проулку к озеру, чтобы с разбега прыгнуть с нагретых под утренним солнцем дощатых мостков в его чуть солоноватую, но всегда в летние месяцы теплую

и ласковую воду. «Ах, вы мои варнаки! – утиралась фартуком у горячей печи бабушка. – Ешьте, ешьте, да не спешите – всем хватит».

Так вот, бабушка, взявшаяся за воспитание Грозного, называла его только Варнаком. При этом вряд ли она имела в виду, что это должно стать его именем. Просто он для нее был таким же малышом-несмышленищем, какими в свое время были и мы. Щенка, естественно, больше тянуло на кухню – оттуда хорошо пахло, да и бабушка чаще всего проводила время там, то занятая приготовлением еды, то отдыхая и читая через толстые стекла очков какую-нибудь газету. Он ложился у ее ног, заваливался на спину, и она, нагнувшись, почесывала ему розовое щенячье пузо с кисточкой и говорила все то же самое, что и нам: «Ах, ты мой варнак!» Так что, я думаю, Грозный, ни с кем не делясь своим пониманием окружающего мира, вырос и прожил у нас все те годы с двумя именами, точно зная, что второе означает для него только ласку, понимание и защиту, даже когда он и совершал дома что-нибудь недозволенное. А первое он оставлял для всех остальных, и не только «своих», которых он, конечно же, отделял от тех незнакомых и странных людей, встречающихся ему за порогом дома.

Правда сказать, данная ему в семье «официальная» кличка Грозный ну никак не вязалась с внешним видом нашей собаки. Как он ни рос, как мы его ни кормили, как его ни воспитывала бабушка, но в итоге он все-таки оказался

низкорослой, гладкошерстной и неизвестной породы собакой. Несимметричность больших черных пятен на белой, как мел, спине не сочеталась с аккуратными носками того же черного цвета на коротких и кривоватых, как у степного наездника, мускулистых лапах. Жесткий хвост все время был завернут в перевернутую запятую. Короткую белой шерсти шею венчала остроухая голова: одно ухо – черное – всегда было полуопущено набок, другое – белое – торчало вверх; удлинненная, в черном пятне окраски морда с умными, но постоянно настороженными глазами. В общем, внешне он был похож на ту породу беспородных собак – Белка, Стрелка, еще какие-то, уж сейчас не вспомнить, – на которых в нашей стране отрабатывали в свое время освоение космического пространства.

Ему всегда до всего было дело: все, происходившее у нас дома, касалось его. При этом он никогда не встречал, а лишь появлялся для того, чтобы посмотреть, что происходит, удостовериться, все ли в порядке, и тут же поспешно удалиться, словно у него была куча всяких других неотложных дел на «огромной» вверенной ему территории. Он всегда встречал нас у входной двери, но «поцелуи и объятия» доставались от него только бабушке, а потом и папе. На всех остальных, проживающих вместе с ним в одном доме, Грозный эти ласки распространял в крайне редких случаях – поводы для них выбирал и помнил только он сам. А так, он просто появлялся из кухни, где ему больше нравилось коротать «служебное»

время, несколько секунд, наклоняя голову с торчащим ухом то влево, то вправо, всматривался в вошедшего в прихожую, и, убедившись, что ты есть ты и к тому же жив-здоров, возвращался к себе. Мне даже казалось, что эту манеру встречи он просто-напросто «скопировал» у воспитавшей его бабушки: не хватало только кухонного полотенца через плечо, фартука и слов: «Ну все в порядке? Тогда проходите, а я пока пойду посуду домою». И удивительное дело – на наших скудных квадратных метрах при шести проживающих он был почти не замечен, никому не мешал и никого не раздражал. У него не было привычки изображать из себя недокормленного и вечно голодного пса, более того, когда мы завтракали, обедали или ужинали дома, он тут же деликатно покидал кухню, причем с таким серьезным и целенаправленным видом, что не поднималась рука взять какой-нибудь лакомый кусок со стола и предложить ему разделить с нами трапезу. А если кто-то это и пытался сделать, то он поворачивал голову и смотрел на допустившего эту «унижающую» его достоинство выходку таким взглядом, что угощающий мигом смущался и, чуть ли не извиняясь, сам съедал этот кусок.

Грозный, казалось, всегда был настороже, и его лай на любой шум на лестничной ли площадке или на улице – у нас был третий этаж – за ним не задерживался. Мы-то к его такой серьезности попривыкли, а вот наши соседи по подъезду при встречах с ним, как я уже упоминал, держались на дистанции. Однако при всей его «грозной» манере поведения он

совсем не был агрессивным, во всяком случае, беспочвенно агрессивным, тем более, когда вышел из младенческого возраста и перестал трепать нашу обувь. Я помню только один случай, когда он в прямом смысле показал и применил свои зубы. Дело было так: к нам зашли в гости соседи с нижнего этажа, шумные и крупные муж с женой. Развеселившись после рюмки-другой, сосед навис над зашедшим проконтролировать порядок в доме Грозным и, зажав его в углу между диваном и стеной, начал приставать, обидно высмеивая его незавидные габариты и не подходящую поэтому нашей собаке кличку. Тот, сжавшись, терпеливо ожидал, когда гость, наконец, даст ему возможность продолжить свою службу и при этом очень внимательно вглядывался в лицо шутника, иногда посматривая на папу, как будто ожидая от него совета, что делать в такой ситуации. Папа попытался урезонить весельчака, говоря ему, смотри, мол, Василий, тяпнет он тебя. Но все было бесполезно. Тогда Грозный взял ситуацию в свои зубы. Он неожиданно подпрыгнул – иначе при его росте он мог бы достать только до какой-нибудь там лодыжки или невкусного колена, но его интересовал только рот, к которому он все время и присматривался, откуда исходила вся эта обидная веселость – и цапнул наклонившегося над ним обидчика за... верхнюю губу, чуть ли не превратив ее в заячью. Когда моментально утратившего свою необузданную веселость соседа с прилепленным под носом куском окровавленной ваты увела домой его жена, обещавшая Грозно-

му самое беспощадное отмщение, и утихли укоры в его адрес со стороны обескураженных случившимся папы и мамы, на кухню к забившемуся под стол виновнику пришла бабушка. Она села на табуретку и сказала свое обычное: «Ах, ты варнак! Натворил дел, – и, помолчав, добавила, махнув рукой куда-то уже не в сторону сидевшего в своем убежище Грозного, – а этот будет теперь знать, как себя вести в чужом доме: выпил, сиди и не приставай к людям». Причисленный к «людям» варнак тихонько покинул свой схрон и сел возле обутых в шерстяные носки ног бабушки, изредка задирая вверх голову и виновато помаргивая черными маслинами глаз – для него главное было, чтобы она не сердилась на него.

Во дворе Грозный появлялся не так уж и часто – приученный к порядку бабушкой, он предпочитал жизнь квартирную, где днем и ночью нес службу по охране-обороне нашего жилья. Я даже не припомню, чтобы кто-то из нас был обязан совершать с ним утренние и вечерние прогулки на улице. А уж родители этим делом и вовсе не озабочивались – и так проблем хватало! Тогда вообще мало кто держал дома собак, а тем более в многоквартирных постройках.

Наверное, это было связано и с неотжившей еще коммунальной системой, и с теснотой нового жилья хрущевского времени, да и со скудностью наших семейных бюджетов, не предполагающей наличия лишних ртов. Не знаю, может быть, я и ошибаюсь в этих своих предположениях. Так вот,

Грозный хоть и редко появлялся на улице и совсем не рвался выйти из квартиры, но были исключения, когда он это делал с удовольствием. Исключением этим были маленькие детишки из нашего двора. Они хорошо знали Грозного, единственную собаку в нашем пятиэтажном четырехподъездном доме, а он, видимо, когда-то сумел принять участие в их играх и беготне, отметив у себя в памяти, что вот с этими маленькими людьми вполне можно иметь дело, оставив дома свой внешне грозный вид и характер, то есть просто расслабиться. Дети это тоже поняли и приняли его в свой круг. Поэтому сначала было удивительно, но потом мы привыкли к тому, что иногда они появлялись у порога нашей квартиры и спрашивали: «А Грозный пойдет гулять?» «Надо спросить его самого», – отвечали мы, но поскольку спрашиваемый тут же при первых звуках детских голосов появлялся в прихожей, всем своим радостным видом давая понять, что, конечно же, он пойдет, то нам не оставалось ничего другого, как дать согласие. Он гулял и играл с ними столько, сколько детям позволяли их родители, и потом возвращался домой сопровождаемый своими друзьями, которые кричали ему «Пока!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.